ЧУВАШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

2026 | 16+
ISSN 2713-1688 (print)
ISSN 2713-1696 (online)

ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Международный научный журнал
Том 8 № 1

ETHNIC CULTURE

International academic journal
Vol. 8 No. 1

Этническая культура

Международный научный журнал
Том 8, № 1 | 2026

«Этническая культура» – междисциплинарный научно-практический рецензируемый журнал, представляющий результаты исследований в области этнических процессов и явлений. На страницах журнала публикуются статьи, проводятся дискуссии по широкому кругу проблем, касающихся методологических подходов к изучению этнических культур и их роли в истории человеческой цивилизации; различных аспектов межъязыковой и межкультурной коммуникации; вопросов сохранения культурных традиций в условиях глобализации и передачи этнокультурного опыта будущим поколениям.

Миссия журнала – предоставить возможность авторам ознакомить со своими идеями широкий круг профессионалов, а читателям – быть в курсе актуальных вопросов изучения, сохранения и развития этнических культур в современном мире.

ОСНОВНЫЕ РАЗДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

Этнография, этнология и антропология:
- 5.6.4. Этнология, антропология и этнография
- 5.6.1. Отечественная история

Языки и литературы народов мира:
- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
- 5.9.2. Литературы народов мира
- 5.9.4. Фольклористика
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Этнокультурные проблемы образования:
- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования

Обзоры и рецензии

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Баскакова Наталья Ивановна, канд. филос. наук, доцент, ректор, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, член-корреспондент Международной академии культуры и искусства, г. Чебоксары, Российская Федерация

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Арестова Вероника Юрьевна, канд. пед. наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Фомин Эдуард Валентинович, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

КОРРЕКТОР:

Фомин Эдуард Валентинович, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА:

Сергеева Ирина Игоревна

Наименование органа, зарегистрировавшего издание	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 09 октября 2019 года (Реестровая запись ПИ №ФС77-76946 от 09 октября 2019 г.)
DOI	10.31483/a-10831
Год основания	2019
Периодичность	4 раза в год
Учредители журнала	БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики; ООО «Издательский дом «Среда»
Издатель журнала	ООО «Издательский дом «Среда»
Адрес редакции и издателя	428023, Россия, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Гражданская, д. 75, офис 12
Сайт	https://journalec.com
E-mail	info@journalec.com
Телефон	+7 (8352) 655-731
Подписка и распространение	Подписка на журнал осуществляется через систему электронной редакции на сайте, а также по e-mail info@journalec.com. Свободная цена.
Типография	Студия печати «Максимум», 428023, Чебоксары, Гражданская, д. 75, тел.: +7 (8352) 655-047 Печать цифровая. Бумага офсетная. Формат 60×84 ⅛. Усл. печ. л. 4.19. Заказ К-1468. Тираж 100 экз.
Подписано в печать	26.03.2026
Дата выхода в свет	31.03.2026

Предназначено для детей старше 16 лет

Ethnic Culture

International academic journal
Vol. 8 No. 1 | 2026

Ethnic Culture is an interdisciplinary scientific and practical peer-reviewed journal that presents the results of studies in the field of ethnic processes and phenomena. The journal publishes articles and debates on a wide range of issues related to methodological approaches to the study of ethnic cultures and their role in the history of human civilization; various aspects of crosslinguistic and intercultural communication; issues of cultural traditions preservation in the context of globalization and the transfer of ethnocultural experience to future generations.

The mission of the journal is to provide an opportunity for authors to familiarize a wide range of professionals with their ideas, and for readers to be aware of current issues of studying, preserving and developing ethnic cultures in the modern world.

SECTIONS:

Ethnography, Ethnology and Anthropology:
- 5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography
- 5.6.1. Russian history

World languages and literature:
- 5.9.1 Russian literature and literature of peoples of the Russian Federation
- 5.9.2 Literature of the peoples of the world
- 5.9.4 Folklore studies
- 5.9.5 Russian language. Languages of peoples of Russia
- 5.9.8 Theoretical, applied and comparative-contrastive linguistics

Ethno-Cultural Problems of Education:
- 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 5.8.7. Methodology and technology of professional education

Reviews and Critiques

CHIEF EDITOR:

Natalya I. Baskakova, candidate of philolosophic sciences, associate professor, rector, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, associate fellow of International Academy of Culture and Art, Cheboksary, Russian Federation

DEPUTY CHIEF EDITORS:

Veronika Yu. Arestova, candidate of pedagogical sciences, associate professor, leading research fellow, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

EXECUTIVE SECRETARY:

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the Humanities and Socio-Economic Disciplines Department, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

PROOF-READER:

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the Humanities and Socio-Economic Disciplines Department, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

COMPUTER LAYOUT:

Irina I. Sergeeva

Authority registered	Journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media on October 9th, 2019 (Registry entry: ПИ №ФС77-76946 of 9 October 2019)
DOI	10.31483/a-10831
Year of Foundation	2019
Publication Frequency	Quarterly
Founders	BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs; LLC "Publishing house "Sreda"
Publisher	LLC "Publishing house "Sreda"
Postal adress	75 Grazhdanskaya St., office12, Cheboksary, 428023, Russian Federation
Web-site	https://journalec.com
E-mail	info@journalec.com
Tel.	+7 (8352) 655-731
Subscription and distribution	The journal content is free. Subscribe form on the web-site and via e-mail: info@journalec.com
Printing House	Print Studio «Maximum», 75 Grazhdanskaya St., Cheboksary, 428023, Russian Federation, tel.: +7 (8352) 655-047. Digital print. Offset paper. Format 60×84 ⅛. Conditional printed pages 4.19. Order К-1468. Circulation 100 copies.
Signed in the print	26 March 2026
Date of publication	31 March 2026

Designed for children over 16 years old

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Годовова Елена Викторовна, д-р ист. наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», г. Оренбург, Российская Федерация

Давлетшина Лейла Хасановна, д-р филол. наук, ученый секретарь Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация

Китинов Баатр Учаевич, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории Востока ФГБУН «Института востоковедения Российской академии наук», г. Москва, Российская Федерация

Краюшкина Татьяна Владимировна, д-р филол. наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО Российской академии наук, г. Владивосток, Российская Федерация

Куцаева Марина Васильевна, канд. филол. наук, научный сотрудник отдела урало-алтайских языков ФГБУН «Институт языкознания Российской академии наук», г. Москва, Российская Федерация

Ооржак Байлак Чаш-ооловна, д-р филол. наук, главный научный сотрудник Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (Кызыл)

Салмин Антон Кириллович, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Сапожникова Юлия Львовна, д-р филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет», г. Ташкент, Республика Узбекистан

Темербекова Альбина Алексеевна, д-р пед. наук, профессор, профессор кафедры педагогики, психологии и социальной работы ФГБОУ ВО «Горно-Алтайский государственный университет» г. Душанбе, Республика Таджикистан

Цаллагова Зарифа Борисовна, д-р пед. наук, ведущий научный сотрудник отдела Кавказа Ордена Дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Алдошина Марина Ивановна, д-р пед. наук, профессор, директор центра по взаимодействию с Российской академией образования, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, г. Орёл, Российская Федерация

Бакула Виктория Борисовна, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой филологии и медиакоммуникаций, Мурманский арктический государственный университет, г. Мурманск, Российская Федерация

Берман Андрей Геннадьевич, канд. ист. наук, заведующий кафедрой отечественной и всеобщей истории, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Российская Федерация

Бушуева Любовь Ивановна, канд. искусствоведения, старший научный сотрудник искусствоведческого направления, Чувашский государственный институт гуманитарных наук Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

Годовова Елена Викторовна, д-р ист. наук, профессор кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация

Давлетшина Лейла Хасановна – д-р филол. наук, ученый секретарь Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация

Давыдов Денис Владимирович, д-р ист. наук, профессор кафедры социологии, политологии и менеджмента, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева – КАИ, г. Казань, Российская Федерация

Джунджузов Степан Викторович, д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация

Иванова Алена Михайловна, д-р филол. наук, декан факультета русской и чувашской филологии и журналистики, Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Российская Федерация

Карпушина Лариса Павловна, д-р пед. наук, профессор кафедры художественного и музыкального образования, Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск, Российская Федерация

Китинов Баатр Учаевич, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории Востока, Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Краюшкина Татьяна Владимировна, д-р филол. наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО Российской академии наук, г. Владивосток, Российская Федерация

Куцаева Марина Васильевна, канд. филол. наук, научный сотрудник отдела урало-алтайских языков, Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Лиходкина Ирина Александровна, д-р филол. наук, доцент кафедры французского языка, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Мосина Наталья Михайловна, д-р филол. наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Российская Федерация

Напольнова Елена Марковна, д-р филол. наук, доцент кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», г. Москва, Российская Федерация

Ооржак Байлак Чаш-ооловна, д-р филол. наук, главный научный сотрудник Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (Кызыл)

Панькин Аркадий Борисович, д-р пед. наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, г. Элиста, Российская Федерация

Прохоров Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры документоведения и архивоведения, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

Рахманов Бахтиёр Рузикулович, д-р филол. наук, профессор кафедры мировой литературы Российско-Таджикского (Славянского) университета, г. Душанбе, Республика Таджикистан

Сапожникова Юлия Львовна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры английского языка, Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Российская Федерация

Сарбашева Алена Мустафаевна, д-р филол. наук, доцент, заведующая сектором карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – Филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик, Российская Федерация

Сафина Лилиана Михайловна, канд. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой русистики, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), г. Москва, Российская Федерация

Сивкина Наталья Юрьевна, д-р ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Султанбаева Клавдия Ивановна, д-р пед. наук, профессор кафедры дошкольного и специального образования, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, Российская Федерация

Темербекова Альбина Алексеевна, д-р пед. наук, доцент, профессор кафедры педагогики, психологии и социальной работы, Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Российская Федерация

Узденова Фатима Тауплановна, д-р филол. наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований – Филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик, Российская Федерация

Ульмасова Замирахон Хабибуллоевна, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой современной таджикской литературы, Худжандский государственный университет имени академика Б. Гафурова, г. Худжанд, Республика Таджикистан

Федорова Светлана Николаевна, д-р пед. наук, профессор кафедры методологии и управления образовательными системами, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

Фомин Эдуард Валентинович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

Цаллагова Зарифа Борисовна, д-р пед. наук, ведущий научный сотрудник отдела Кавказа Ордена Дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Эльбуздукаева Тамара Умаровна, д-р ист. наук, первый заместитель генерального директора, Музей Чеченской Республики, заведующая отделом истории народов Северного Кавказа Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, г. Грозный, Российская Федерация

Юсупова Альфия Шавкетовна, д-р филол. наук, профессор кафедры общего языкознания и тюркологии, Институт филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Российская Федерация

Юша Жанна Монгеевна, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник лаборатории вербальных культур народов Сибири и Дальнего Востока Института филологии СО Российской академии наук, г. Новосибирск, Российская Федерация

Ягафова Екатерина Андреевна, д-р ист. наук, заведующая кафедрой философии, истории и теории мировой культуры, Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Российская Федерация

EDITORIAL COUNCIL:

Elena V. Godovova, doctor of historical sciences, professor of the department of Russian History, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

Leila K. Davletshina, doctor of philological sciences, academic secretary of the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation

Baatr U. Kitinov, doctor of historical sciences, leading research fellow of the department of Oriental History, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Tatiana V. Krayushkina, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of art and music education, Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evsevyev, Saransk, Russian Federation

Marina V. Kutsaeva, candidate of philological sciences, research fellow of the Ural-Altaic languages department, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Bailak C. Oorzhak, doctor of philological sciences, leading research fellow at the Tuva Institute for Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva (Kyzyl)

Anton K. Salmin, doctor of historical sciences, leading research scientist Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Yulia L. Sapozhnikova, doctor of philological sciences, associate professor, professor of the Department of English Language, Smolensk State University, Smolensk, Russian Federation

Albina A. Temerbekova, doctor of pedagogical sciences, associate professor, professor of the department of Pedagogy, Psychology and Social Work, Gorno-Altaisk State University, Gorno-Altaisk, Russian Federation

Zarifa B. Tsallagova, doctor of pedagogical sciences, leading research fellow of the Caucasus Department of FPFIS Order of Peoples' Friendship "The Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (IEA)", Moscow, Russian Federation

EDITORIAL BOARD:

Marina I. Aldoshina, doctor of pedagogic sciences, professor, director of the Center for Interaction with the Russian Academy of Education of the Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, Russian Federation

Viktoria B. Bakula, doctor of philological sciences, professor, head of the department of philology and media communications, Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russian Federation

Andrey G. Berman, candidate of historical sciences, head of the department of national and universal history, Chuvash I. Ya. Yakovlev State Pedagogical University, Cheboksary, Russian Federation

Lyubov I. Bushueva, candidate of art history, senior research fellow of art history, Chuvash State Institute of Humanities of the Ministry of Education and Youth of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

Elena V. Godovova, doctor of historical sciences, professor of the department of Russian History, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

Leila K. Davletshina, doctor of philological sciences, academic secretary of the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation

Denis V. Davydov, doctor of historical sciences, professor of the department of sociology, political science and management, Kazan National Research Technical University named after A. N. Tupolev – KAI, Kazan, Russian Federation

Stepan V. Dzhunjuzov, doctor of historical sciences, associate professor, professor of the department of Russian history, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

Alena M. Ivanova, doctor of philological sciences, dean of the faculty of Russian and Chuvash Philology and Journalism, I. N. Ulianov Chuvash State University, Cheboksary, Russian Federation

Larisa P. Karpushina, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of art and music education, Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evsevyev, Saransk, Russian Federation

Baatr U. Kitinov, doctor of historical sciences, leading research fellow of the department of Oriental History, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Tatiana V. Krayushkina, doctor of philological sciences, leading research fellow, head the Center for the Cultural History and Intercultural Communications of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East FEB RAS, Vladivostok, Russian Federation

Marina V. Kutsaeva, candidate of philological sciences, research fellow of the Ural-Altaic languages department, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Irina A. Likhodkina, doctor of philological sciences, associate professor of the Department of French, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Natalya M. Mosina, doctor of philological sciences, professor of the department of English for professional communication, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation

Elena M. Napolnova, doctor of philological sciences, senior lecturer of the departments of Turkic philology of the Institute of Asian and African countries, Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russian Federation

Bailak Ch. Oorzhak, doctor of philological sciences, leading research fellow at the Tuva Institute for Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva (Kyzyl)

Arkadiy B. Pankin, doctor of pedagogical sciences, professor, head of chair, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation

Dmitriy A. Prokhorov, doctor of historical sciences, senior research fellow, associate professor of the department of documentation and archival science, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

Bahtiyor R. Rakhmanov, doctor of philological sciences, professor of the Department of World Literature of the Russian-Tajik Slavonic University of Dushanbe, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Yulia L. Sapozhnikova, doctor of philological sciences, associate professor, professor of the Department of English Language, Smolensk State University, Smolensk, Russian Federation

Alena M. Sarbasheva, doctor of philological sciences, associate professor, head of the sector of Karachay-Balkar Literature of the Institute of Humanitarian Studies – Branch of the Kabardino-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russian Federation

Liliana M. Safina, candidate of philological sciences, associate professor, head of the department of Russian Studies, Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI), Moscow, Russian Federation

Natalia Yu. Sivkina, doctor of historical sciences, associate professor of the department of history of the ancient world and the middle ages of the Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Klavdiya I. Sultanbaeva, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of preschool and special education, N.F. Katanov Khakas State University, Abakan, Russian Federation

Albina A. Temerbekova, doctor of pedagogical sciences, associate professor, professor of the department of Pedagogy, Psychology and Social Work, Gorno-Altaisk State University, Gorno-Altaisk, Russian Federation

Fatima T. Uzdenova, doctor of philological sciences, senior research fellow at the Institute of Humanitarian Studies – Branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russian Federation

Zamirakhon Kh. Ulmasova, doctor of philological sciences, professor, head of chair of Modern Tajik Literature, Khujand State University named after Academician B. Gafurov, Khujand, Republic of Tajikistan

Svetlana N. Fyodorova, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of methodology and management of educational systems, Mari State University, honoured educator of the Mary-El Republic, Yoshkar-Ola, Russian Federation

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the department of humanities and socio-economic disciplines, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

Zarifa B. Tsallagova, doctor of pedagogical sciences, leading research fellow of the Caucasus Department of FPFIS Order of Peoples' Friendship "The Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (IEA)", Moscow, Russian Federation

Tamara U. Elbuzdukaeva, doctor of historical sciences, first deputy general director, Museum of the Chechen Republic, head of department of the history of the peoples of the North Caucasus of the Institute of Humanitarian Studies of the Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russian Federation

Alfiya Sh. Yusupova, doctor of philological sciences, professor of the department of general linguistics and turkology, Institute of philology and Intercultural Communication of the Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

Zhanna M. Yusha, doctor of philological sciences, lead research fellow of Laboratory of Verbal Cultures of the Peoples of Siberia and the Far East of the Institute of Philology of the SB of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation

Ekaterina A. Yagafova, doctor of historical sciences, head of the department of philosophy, history and theory of world culture, Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation

От редактора 7

Этнография, этнология и антропология

Научная статья

Изделия из рыбьей кожи как фактор сохранения этнической идентичности народа хэчже 8
Ю. Ма

Языки и литературы народов мира

Научные статьи

Особенности использования русскоязычными детьми глаголов движения 14
И. Н. Анисимова, А. Ю. Никитина, Е. А. Игнатьева

Символы и символические структуры в романах о детях военного времени: «Ночевала тучка золотая» А. Приставкина и «Книжный вор» М. Зусака 20
О. А. Лазуткина, Д. А. Машукова

Языковые средства выражения русского культурного кода в текстах марша «Прощание славянки» 25
Н. А. Пузов

Обзоры и рецензии

Рецензия

Рецензия на: Долгова А. П. Синтаксис чувашского языка : Словосочетание. Простое предложение : монография. Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2024. 236 с. (Строй чувашского языка) 33
Т. В. Денисова

CONTENTS

From the editor-in-chief 7

Ethnography, Ethnology and Anthropology

Research Article

Fish Skin Products as a Factor in Preserving the Ethnic Identity of the Hezhe People 8
Yulei Ma

World languages and literature

Research Articles

The Peculiarities of the Use of Verbs of Motion by Russian-Speaking Children 14
Irina N. Anisimova, Alena Y. Nikitina, Elena A. Ignateva

Symbols and Symbolic Structures in Novels About Wartime Children: "The Golden Cloud Stayed Over" by A. Pristavkin and "The Book Thief" by M. Zusak 20
Olesia A. Lazutkina, Daria A. Mashukova

Linguistic Means of Expressing the Russian Cultural Code in the Texts of the March "Farewell of Slavianka" 25
Nikolai A. Puzov

Reviews and Critiques

Critical Review

Review of: Dolgova A. P. Syntax of the Chuvash Language: Phrases. Simple Sentence : Monograph. Cheboksary : Chuvash State Institute of Humanities, 2024. 236 p. (The Structure of the Chuvash Language) 33
Emma V. Ekeeva

Дорогие авторы и читатели!

В очередном выпуске нашего журнала опубликованы статьи, посвященные различным вопросам истории, языка, культуры и образования.

В разделе «Этнография, этнология и антропология» размещена статья Ма Юйлэй «Изделия из рыбьей кожи как фактор сохранения этнической идентичности народа хэчже», в основе которой лежат полевые материалы, собранные автором. Автор поэтапно анализирует технологии изготовления изделий из рыбьей кожи, применяемые народом хэчже в Китайской Народной Республике.

В разделе «Языки и литературы народов мира» размещена статья авторов О. А. Лазуткиной, Д. А. Машуковой «Символы и символические структуры в романах о детях военного времени: «Ночевала тучка золотая» А. Приставкина и «Книжный вор» М. Зусака». Работа содержит результаты сравнительного исследования художественных произведений, тематика которых остается актуальной на текущий момент. Статья авторов И. Н. Анисимовой, А. Ю. Никитиной, Е. А. Игнатьевой «Особенности использования русскоязычными детьми глаголов движения» предлагает новые данные, касающиеся освоения русского языка маленькими детьми. Систематизация фактов, обнаруженных авторами, расширяет современные представления о том, как ребенком осваивается глагольная система. Интересны наблюдения, связанные с переносным значением глаголов и языковой игрой, смешением одно- и разнонаправленных глаголов. Статья Н. А. Пузова «Языковые средства выражения русского культурного кода в текстах марша «Прощание славянки» посвящена актуальной теме выявления языковых средств, репрезентирующих национально-культурную специфику. Автором проделана значительная работа по сбору и первичной систематизации материала из пяти вариантов текста марша «Прощание славянки».

В разделе «Обзоры и рецензии» размещена рецензия на монографию А. П. Долговой «Синтаксис чувашского языка: Словосочетание. Простое предложение», изданную Чувашским государственным институтом гуманитарных наук в серии «Строй чувашского языка», — фундаментальную работу, излагающую научные сведения по значительному числу проблем синтаксической структуры чувашского языка.

Редакция и редколлегия выражают искреннюю благодарность всем внешним экспертам журнала, которые поделились своим профессиональным мнением о публикуемых материалах.

Дорогие читатели, авторы и рецензенты! Редакционный совет, научный коллектив и руководство Чувашского государственного института культуры и искусств желают вам крепкого здоровья, новых научных открытий и творческих свершений!

Баскакова Н. И.,
ректор Чувашского государственного института культуры и искусств,
кандидат философских наук

Dear authors and readers!

The next issue of our journal contains articles on various issues of history, language, culture and education.

The section "Ethnography, Ethnology and Anthropology" contains Ma Yulei's article "Fish Skin Products as a Factor in Preserving the Ethnic Identity of the Hezhe People", which is based on field materials collected by the author. The author step-by-step analyzes the manufacturing technologies of fish skin products used by the Hezhe people in the People's Republic of China.

The section "Languages and Literatures of the Peoples of the World" contains an article by the authors O. A. Lazutkina, D. A. Mashukova "Symbols and Symbolic Structures in Novels about Children in Wartime: 'A Golden Cloud Slept' by A. Pristavkin and 'The Book Thief' by M. Zusak". The work contains the results of a comparative study of works of art, the subject of which remains relevant at the moment. The article by the authors I. N. Anisimova, A. Y. Nikitina, E. A. Ignatieva "Peculiarities of the Use of Verbs of Movement by Russian-Speaking Children" offers new data on the development of the Russian language by young children. The systematization of the facts discovered by the authors expands modern ideas about how a child learns the verb system. Interesting observations related to the figurative meaning of verbs and language play, the mixing of unidirectional and multidirectional verbs. N. A. Puzov's article "Linguistic Means of Expressing the Russian Cultural Code in the Texts of the March 'Farewell of Slavyanka'" is devoted to the topical topic of identifying linguistic means representing national and cultural specifics. The author has done considerable work on the collection and primary systematization of material from five versions of the text of the march "Farewell of Slavyanka".

The section "Reviews" contains a review of A. P. Dolgova's monograph "Syntax of the Chuvash Language: Phrase. Simple Sentence", published by the Chuvash State Institute of Humanities in the series "The Structure of the Chuvash Language", a fundamental work presenting scientific information on a significant number of problems of the syntactic structure of the Chuvash language.

The editors and the editorial board would like to express their sincere gratitude to all the external experts of the journal who shared their professional opinion on the published materials.

Dear readers, authors and reviewers! The Editorial Board, the scientific staff and the leadership of the Chuvash State Institute of Culture and Arts wish you good health, new scientific discoveries and creative achievements!

Natalia I. Baskakova,
rector of the Chuvash State Institute of Culture and Arts,
candidate of philosophical sciences

Научная статья

Изделия из рыбьей кожи как фактор сохранения этнической идентичности народа хэчже

https://doi.org/10.31483/r-151156
УДК 391:316.7(571.61)

Ма. Ю.
Забайкальский государственный университет
г. Чита, Российская Федерация.
https://orcid.org/0009-0008-3233-1986, e-mail: 2923684979@qq.com

Резюме. В статье рассматриваются изделия из рыбьей кожи в контексте традиционной культуры хэчже, а также в ракурсе проблем их современного производства. Хэчже — народ, родственный российским нанайцам, обитающим по берегам р. Амур и ее притокам Уссури и Сунгари. Рыболовство и охота являют общий элемент традиционной культуры обоих народов. В настоящее время уникальная технология обработки рыбьей кожи, используемая хэчже, активно реконструируется. На основе метода непосредственного наблюдения за процессом обработки кожи автором последовательно раскрывается технология обработки и изготовления одежды из нее. Материал сопровождается авторскими фотографиями. В результате исследования автором делается вывод о том, что в аспекте глобализации и активизации межкультурных контактов предметы из кожи рыб перестают служить утилитарным целям и превращаются в ключевые символы национальной самоидентификации. Рыбья кожа как материал для изготовления одежды в настоящее время популярна у дизайнеров. В их руках дубленая рыбья кожа может комбинироваться с другими материалами, что доказывает адаптивность материала, а также ее перспективность для использования в творческой индустрии.

Ключевые слова: этническая культура, технология дубления рыбьей кожи, материальное культурное наследие, хэчже, нанайцы.

Для цитирования: Ма Ю. Изделия из рыбьей кожи как фактор сохранения этнической идентичности народа хэчже // Этническая культура. 2026. Т. 8, № 1. С. 8-13. DOI 10.31483/r-151156. EDN NWGDYS

Research Article

Fish Skin Products as a Factor in Preserving the Ethnic Identity of the Hezhe People

Yulei Ma
Transbaikal State University
Chita, Russian Federation.
https://orcid.org/0009-0008-3233-1986, e-mail: 2923684979@qq.com

Abstract. This article examines fish skin products in the context of traditional Hezhe culture, as well as the challenges of their modern production. The Hezhe are a people related to the Russian Nanai people, who inhabit the banks of the Amur River and its tributaries, the Ussuri and Sungari. Fishing and hunting are common elements of the traditional culture of both peoples. Currently, the unique fish skin processing technology used by the Hezhe is being actively reconstructed. Based on direct observation of the fish skin processing process, the author consistently reveals the processing and manufacturing technology for clothing from it. The material is accompanied by the author's photographs. As a result of this research, the author concludes that, in the context of globalization and increased intercultural contacts, fish skin items are no longer serving utilitarian purposes and are becoming key symbols of national self-identity. Fish skin as a clothing material is currently popular among designers. In their hands, tanned fish skin can be combined with other materials, which proves the adaptability of the material, as well as its potential for use in the creative industry.

Keywords: ethnic culture, Hezhe, Nanai, fish skin tanning technology, tangible cultural heritage.

For citation: Ma Y. (2026). Fish Skin Products as a Factor in Preserving the Ethnic Identity of the Hezhe People. *Ethnic Culture, 8*(1), 8-13. EDN: NWGDYS. https://doi.org/10.31483/r-151156

Введение

Представителей хэчже в Китае насчитывается около пяти тысяч человек. Основная часть народа компактно заселяет несколько уездов провинции Хэйлунцзян: Фуюань, Жаохэ, Тунузян. Эти районы находятся на северо-востоке Китая и в основном граничат с Хабаровским краем. Народность хэчже известна в России как нанайцы.

В этнографических работах народы Приамурья описываются как «рыбокожие инородцы»[1]. Так, Е. В. Глебова, ссылаясь на труды предшественников, пишет о том, что европейские миссионеры XVII–XVIII вв. сообщали о «племени татар, называемых китайцами ю-пи-татзе, т. е. рыбьекожие варвары, которые с большим искусством делают себе одежду из рыбьих кож…»[2]. Искусно выделанные рыбьи кожи упоминаются в публикации о выставке продуктов сельского хозяйства, рыболовства, кустарной, ремесленной и фабрично-заводской промышленности, организованной в 1899 г. в Хабаровске[3].

Культура рыболовства и охоты для народа хэчже, живущего в бассейнах р. Хэйлунцзян, Сунгари и Уссури, является их традиционной этнической культурой. Изделия из рыбьей кожи (особенно одежда) когда-то были средством противостояния холоду. С развитием и прогрессом общества этот традиционный навык перешел от

[1] Сем Ю. А. Нанайцы. Материальная культура (вторая половина XIX — середина XX в.) : этнографические очерки / Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Владивосток, 1973. С. 178.

[2] Глебова Е. В. Изделия из рыбьей кожи как визуальный маркер этнической культуры коренных народов Нижнего Амура // Известия лаборатории древних технологий. 2019. Том 15. № 1. С. 97.

[3] Дубинина Н. И. Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков : историко-биографический очерк. Хабаровск : Приамурские ведомости, Приамурское географическое общество, 2001. С. 170.

CC BY

проблемы жизненной необходимости к проблеме защиты культурных традиций.

Наряду с развитием промышленности и модернизации производства образ жизни народа хэчже претерпел огромные изменения. Все более заметной становилась ценность рыбьей кожи и ее значение для этнической культуры. В статье рассматриваются изделия из рыбьей кожи, затрагиваются проблемы традиционной технологии и современного производства в целях репрезентации традиционной этнической культуры хэчже.

Материалы и методы исследования

Материалом изысканий послужили сведения о добыче рыбьей кожи, ее дубления и обработки, изготовления одежды, собранные в полевых условиях автором настоящего исследования. Материал сопровождается авторскими фотоиллюстрациями.

Основные положения исследования базируются на методе непосредственного наблюдения за процессом обработки кожи.

Автор выражает искреннюю благодарность научному руководителю профессору Забайкальского государственного университета Р. Г. Жамсарановой за ценные рекомендации.

Результаты исследования и их обсуждение

Бассейн р. Саньцзян, на территории которого проживает народность хэчже, богат крупными рыбами, такими как лосось и осетр. Хэчже на протяжении тысячелетней практики освоили опыт оптимального использования рыбьей кожи. Свойства кожи рыбы — водонепроницаемость, холодостойкость, прочность, гибкость и долговечность — определяют ее выбор для изготовления одежды, которая подходит как для зимнего, так и летнего сезона. К примеру, одежда из кожи лосося легкая, теплая, водонепроницаемая и ветрозащитная, она востребована особенно зимой.

Народ хэчже живет на севере Китая, и используемая рыба относится к северной холодноводной, кожа которой имеет текстуру с высокой прочностью, определенную толщину, вязкость и износостойкость в отличие от южной пресноводной. В Хэйлунцзяне обитает более 70 видов рыбы, но только десять из них годятся для выделки кожи и шитья одежды. Обычно рыбы, подходящие для выделки, должны весить более десяти килограммов. В настоящее время в Хэйлунцзяне диких рыб стало меньше, поэтому изготовить одежду из рыбьей кожи становится все труднее.

Обработка кожи рыбы — чрезвычайно трудоемкий процесс, в котором существует несколько этапов: выбор материала, очистка, сушка, дубление, окрашивание, шитье. Каждый этап имеет свои собственные методы работы и требования к качеству. Важен выбор рыбы, ножа для очистки, выделки и дубления. При пошиве следует обратить внимание на материал и использовать наиболее подходящую рыбью кожу для разных частей одежды. Так, например, исследователи Н. Сунь и Г. В. Алексеева уточняют, что «для праздничной одежды использовали шкурки сазана с характерной крупноячеистой фактурой, служившей дополнительным дизайнерским элементом» [Сунь, Алексеева, 2022, с. 441].

При отделении кожи рыбы от мяса пользуются деревянным ножом (рис. 1).

Рис. 1. *Отделение кожи рыбы от мяса*[4]
Fig. 1. *Separating fish skin from meat*

Данный процесс требует особой квалификации мастера. Нельзя соскребать чешую рыбы или нарушать текстуру кожи. Кожа должна легко сгибаться в руках. Необходимо надрезать рыбу вдоль плавников, жабер, брюха, а затем осторожно отделить кожу от мяса по направлению к хвосту.

На следующем этапе удаляют рыбный запах посредством отделения жира с поверхности кожи. Одновременно необходимо удалить остатки мяса (рис. 2).

[4] Надпись на фото (здесь и далее — перевод с китайского): Деревянным ножом отделить кожу рыбы от мяса, снимая слой за слоем.

CC BY

Рис. 2. *Удаление жира с кожи рыбы*[5]
Fig. 2. *Removing fat from fish skin*

Рис. 3. *Втирание муки в кожу рыбы*[6]
Fig. 3. *Rubbing flour into the fish skin*

Рис. 4. *Мятье кожи рыбы*[7]
Fig. 4. *Kneading the fish skin*

[5] Надпись на фото: Разминать рыбью чешую.

[6] Надпись на фото: Равномерно посыпьте кукурузной мукой поверхность рыбьей кожи — это поможет впитать жир, устранить запах и ускорить дубление кожи рыбы. Взять горсть кукурузной муки рукой.

[7] Надпись на фото: Оберните рыбью кожу мешковиной, затем поместите ее под деревянную мялку и многократно прокатайте, чтобы кожа стала мягкой, приятной на ощупь и без рыбного запаха.

CC BY

Затем кожу ровно раскладывают на деревянной доске на несколько дней для сушки.

В прошлом для обработки кожи хэчже использовали деревянные молотки и топоры. Они помещали кожу на деревянную поверхность и били по ней молотком или валиком самым примитивным способом, пока она не становилась мягкой. Вместе с этим использовали кукурузную муку в качестве вспомогательного материала, покрывая ею кожу и втирая в нее муку (рис. 3).

Следующий этап — дубление. Кожу рыбы сворачивают, оборачивают мешковиной, помещают в специальное приспособление — кожемялку и многократно мнут (рис. 4). Мелкие частицы кукурузной муки проникают в кожу, постепенно отделяя жир. Для того чтобы подготовить таким образом кожу для комплекта одежды, требуется пять или шесть часов. В целом дубление занимает от 20 дней до месяца. Дубление кукурузной мукой является одним из наиболее важных этапов.

После завершения дубления наступает этап шитья и декорирования кожи. Сначала вырезают кожу в соответствии с определенной выкройкой (рис. 5), затем красят, декорируют и шьют одежду (рис. 6).

Традиционные красители, используемые для окрашивания рыбьей кожи, природного растительного происхождения. Их получают из таких растений, как азалия, большой пион, орхидея, горькая цветная капуста. Именно эти красители использовались в древних узорах хэчже с изображением сокола, листьев дерева гинкго.

Развитие технологии выделки рыбьей кожи и шитья одежды из нее в сочетании традиционных способов с современным дизайном представляет собой весьма перспективную отрасль экономики Китайской Народной Республики, связанной, например, с экотуризмом или индустрией моды. Так, дизайнер Сунь Юйлинь интегрировал рыбью кожу в современную одежду и выпустил коллекцию «Возрождение рыбьей кожи» (рис. 7 и 8) на Харбинской неделе моды 2023 г. В его изделиях дубленая кожа сращивается с шелком, что отражает текстуру и адаптивность самой рыбьей кожи, а также высокий уровень комфорта в ношении.

На рисунках 7 и 8 можно заметить традиционные китайские узоры в виде завитка. Исследователи называют такие узоры облаковидными. Н. Сунь подчеркивает, что форма крючка или завитка является основным элементом структуры китайского облаковидного узора, так называемый S-тип [Сунь, 2023, с. 85].

Рис. 5. *Придание формы коже рыбы*[8]
Fig. 5. *Shaping the fish skin*

Рис. 6. *Декорирование кожи и готовое изделие*[9]
Fig. 6. *Decorating fish skin and the finished product*

[8] Надпись на фото: Обрежьте рыбью кожу до нужной формы и сшейте ее нитками.

[9] Надпись на фото: На модели надета одежда из рыбьей кожи и шапка из рыбьей кожи.

CC BY

Рис. 7. *Дизайнер Сунь Юйлинь показывает свои изделия*
Fig. 7. *Designer Sun Yulin shows off his creations*

Рис. 8. *Дизайнер Сунь Юйлинь наклеивает узоры на одежду из рыбьей кожи. Модель примеряет изделие*
Fig. 8. *Designer Sun Yulin applies patterns to fish skin clothing. A model tries on the garment*

Традиционно изделия из кожи рыб имеют естественные черные, темно-серые или бело-серые цвета и оттенки. Но в настоящее время мастера окрашивают кожу рыб и в другие цвета. Так, мастер Чжан Линь, дизайнер национальной одежды, сохраняя традиционную технику дубления, применяет средства, позволяющие изменить естественный цвет кожи на красный, синий и другие яркие цвета. Данная инновация — это не отказ от самой традиции, а ее обновление и модернизация. С дизайнерской точки зрения это своевременно и актуально, так как одежда при трансформации из своего традиционного назначения в элемент моды обязана видоизменить и изначальную цветовую гамму. Однако заметим, что при всем этом неизменным остается цель преобразований — сохранение эстетической концепции национальной культуры. И в этом смысле мы согласны с Е. В. Глебовой, которая утверждает, что предметы из рыбьей кожи отражают культурную особенность территории и выступают символами в общей системе духовных ценностей народов Нижнего Амура [Глебова, 2020, с. 177–178].

Для народа хэчже важной является государственная поддержка в вопросах сохранения этнической идентичности. Сегодня в Китае хэчже представлены через институт национальных волостей, а также высшие региональные и местные органы власти. Сохранены традиционные праздники, элементы повседневной культуры. При этом исследователи, изучающие положение народа хэчже, высказывают некоторые опасения. Так, И. В. Ставров утверждает, что «к началу третьего тысячелетия ассимиляционные процессы стали преобладать и есть вероятность скорого растворения хэчже в конструируемой китайской нации — чжунхуа миньцзу»[10].

Выводы

Рыбья кожа как материал для изготовления одежды популярна у дизайнеров и модельеров. Специалисты используют эту технику в производстве модной одежды. В их руках дубленая рыбья кожа комбинируется с другими материалами, например, с шелком. Это доказывает адаптивность кожи рыб, а также ее перспективность для использования в творческой индустрии.

Уникальное явление этнической культуры народности хэчже — традиционное ремесло изготовления изделий из кожи рыб — претерпевает изменения. Ремесло не просто возрождается. Оно превратилось в символ национальной идентичности — визитную карточку народа хэчже, которая отличает их от других и помогает осознавать свою уникальность в глобализирующемся мире.

[10] Ставров И. В. Малый народ большой страны: положение народа хэчже (нанайцев) в современном Китае // Труды института истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2019. Том 24. № 3. С. 112.

CC BY

Список литературы

Глебова Е. В. Рыбья кожа как символ этнической культуры и идентичности коренных народов Нижнего Амура // Россия и АТР. 2020. № 1. С. 169-181. DOI 10.24411/1026-8804-2020-10013. EDN DXVTDR

Сунь Н., Алексеева Г. В. Обработка одежды из рыбьей кожи на территориях Китая и России по течению реки Амур // Россия-Китай. Диалог пластических искусств : Международная научно-практическая конференция (Москва, 25 марта 2022 г.). Москва : Московская государственная художественно-промышленная академия им. С. Г. Строганова, 2022. С. 439-444. EDN IVMUMC

Сунь Н. Облаковидные узоры в одежде из рыбьей кожи народа хэчжэ (нанайцев): происхождение, композиционные особенности, семантика образов // Наследие веков. 2023. № 1. С. 82-93. DOI 10.36343/SB.2023.33.1.007. EDN HOZJGH

References

Glebova, E. (2020). Fish skin as a symbol of ethnic culture and identity of the indigenous peoples of the Lower Amur. *Russia and the Pacific, 1*, 169-181. EDN: DXVTDR. https://doi.org/10.24411/1026-8804-2020-10013

Sun, N., Alekseeva, G. V. (2022). Processing of clothes from fish skin in the territories of China and Russia along the Amur River. *Russia-China. Dialogue of Plastic Arts*: International Scientific and Practical Conference (Moscow, March 25, 2022), 439-444. EDN: IVMUMC

Sun, N. (2023). Cloud-like patterns in fish skin clothing of the Hezhe people (Nanai): Origin, compositional features, semantics of images. *Heritage of Centuries, 1*, 82-93. EDN: HOZJGH. https://doi.org/10.36343/SB.2023.33.1.007

Информация об авторе

Ма Юйлэй – аспирант,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Российская Федерация;
ORCID: https://orcid.org/0009-0008-3233-1986;
e-mail: 2923684979@qq.com

Information about the author

Yulei Ma – postgraduate student,
Transbaikal State University
Chita, Russian Federation;
ORCID: https://orcid.org/0009-0008-3233-1986;
e-mail: 2923684979@qq.com

Поступила в редакцию 24.10.2025
Принята к публикации 26.01.2026
Опубликована 03.02.2026

Received 24 October 2025
Accepted 26 January 2026
Published 3 February 2026

CC BY

Научная статья

https://doi.org/10.31483/r-150981
УДК 11.161.1’367.625-045.72:81’271.1-053.4

Особенности использования русскоязычными детьми глаголов движения

Анисимова И. Н.[a], **Никитина А. Ю.**[b], **Игнатьева Е. А.**[c]
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова
г. Чебоксары, Российская Федерация.
[a] https://orcid.org/0000-0002-0635-346X, e-mail: anirin82@mail.ru
[b] https://orcid.org/0000-0002-9860-6267, e-mail: alyona.nikitina@gmail.com
[c] https://orcid.org/0009-0006-1268-8414, e-mail: dima2010ivanoff@mail.ru

Резюме. Данное исследование посвящено изучению функционирования русских глаголов движения в детской речи. Цель статьи — описать основные особенности использования этих важных для раннего возраста ребенка лексем и проанализировать случаи отступления от норм употребления данной группы слов русского языка. Исследование того, с помощью каких именно слов ребенок характеризует движение, способствует углублению знаний о семантике грамматических категорий русского языка и постижению того, как ребенок овладевает речью. Материалом для изучения послужила спонтанная речь двух собственных детей автора и их знакомых ровесников, а также глагольная лексика, представленная в словарях детской речи, текстах научных статей, посвященных детской речи разных авторов. Письменная детская речь анализировалась по изложениям и сочинениям детей школьного возраста. В статье рассматривается, каким образом используются глаголы движения детьми, фиксируются необычные, не соответствующие узусу явления в связи с глаголами движения, приводятся новые языковые факты, нигде до этого не представленные. Методами исследования избраны лонгитюдное наблюдение, метод сплошной выборки и сопоставление языковых фактов. В статье представлена классификация наиболее общих детских окказиональных употреблений глаголов движения: устранение чередования согласных основ, неправильный выбор между одно- и разнонаправленным глаголом, наличие разговорных и просторечных форм, творческое осмысление и переосмысление переносных значений у многозначных глаголов движения, грамматические ошибки в управлении и письменные ошибки в выборе видовой пары. В работе выявляются причины ошибочного употребления рассматриваемой глагольной лексики, проводятся параллели с фактами взрослой разговорной речи в русле лингвистики креатива, устанавливаются и интерпретируются игровые стратегии в использовании глаголов движения русскоязычными детьми.

Ключевые слова: русский язык, глаголы движения, вербальная креативность, ранний детский возраст, речевой онтогенез.

Для цитирования: Анисимова И. Н. Особенности использования русскоязычными детьми глаголов движения / И. Н. Анисимова, А. Ю. Никитина, Е. А. Игнатьева // Этническая культура. 2026. Т. 8, № 1. С. 14-19. DOI 10.31483/r-150981. EDN NQVXCK

Research Article

The Peculiarities of the Use of Verbs of Motion by Russian-Speaking Children

Irina N. Anisimova[a], **Alena Y. Nikitina**[b] , **Elena A. Ignateva**[c]
Chuvash State University
Cheboksary, Russian Federation.
[a] https://orcid.org/0000-0002-0635-346X, e-mail: anirin82@mail.ru
[b] https://orcid.org/0000-0002-9860-6267, e-mail: alyona.nikitina@gmail.com
[c] https://orcid.org/0009-0006-1268-8414, e-mail: dima2010ivanoff@mail.ru

Abstract. The present study is devoted to the analysis of the functioning of Russian verbs of motion in child speech. The aim of the article is to describe the main features of the use of these lexemes, which are particularly significant in early childhood, and to analyze instances of deviation from the normative usage of this group of Russian verbs. Investigating the lexical means by which a child conceptualizes motion contributes to a deeper understanding of the semantics of grammatical categories in the Russian language and to elucidating the process of language acquisition in children. The empirical material of the study consists of spontaneous speech data from the author’s two children and their peers, as well as verbal lexicon drawn from child speech dictionaries and scholarly articles on child language by various authors. Written child speech was analyzed on the basis of retellings and essays produced by school-aged children. The article examines how children use verbs of motion and documents atypical, non-standard phenomena associated with their usage. New linguistic data not previously described in the literature are presented. The research methodology includes longitudinal observation, the method of continuous sampling, and comparative analysis of linguistic facts. The article proposes a classification of the most common types of children’s occasional uses of verbs of motion, including the elimination of consonant alternations in stems, incorrect selection between unidirectional and multidirectional verbs, the use of colloquial and substandard forms, creative interpretation and reinterpretation of figurative meanings in polysemous verbs of motion, grammatical errors in verb government, and written errors in the selection of aspectual pairs. The causes of erroneous usage of the analyzed verbal lexicon are identified, and parallels are drawn with phenomena observed in adult colloquial speech within the framework of linguistic creativity. Playful strategies in the use of verbs of motion by Russian-speaking children are identified and interpreted.

Keywords: Russian language, verbs of motion, verbal creativity, early childhood, speech ontogenesis.

For citation: Anisimova I. N., Nikitina A. Y., & Ignateva E. A. (2026). The Peculiarities of the Use of Verbs of Motion by Russian-Speaking Children. *Ethnic Culture, 8*(1). 14-19. EDN: NQVXCK. https://doi.org/10.31483/r-150981

CC BY

Введение

Цель работы — проанализировать освоение русскоязычным ребенком глаголов движения. Нас заинтересовала именно эта группа слов, поскольку она является одной из важнейших в русском языке: глаголы движения отличаются высокой частотностью использования, центральные единицы *идти, ходить* в числе первой сотни глаголов представлены в частотном словаре[1], и они усваиваются детьми в числе первых глаголов и первых слов в жизни.

Основы человеческой жизни таковы, что ребенок для своего полноценного гармоничного развития должен двигаться и именовать свои активные действия, а также движение, происходящее вокруг. В пассивном словаре обычного современного ребенка к семи годам присутствуют основные глаголы движения (10–14 слов), то есть нормально развивающийся среднестатистический ребенок понимает эти слова, хотя, может быть, и не использует их все в речи[2]. При этом дети естественным образом допускают ошибки. Лингвисты считают многие ошибки в речи ребенка вполне нормальными, если они объяснимы закономерным стремлением преодолеть трудности на пути овладения родной речью. В таких случаях говорят о проявлении вербальной креативности и детских речевых инновациях [Цейтлин, 2021; Цейтлин, 2022].

Изучение глаголов движения в науке о языке имеет давнюю историю и ведется в самых разных направлениях, касающихся, в частности, лексической и грамматической семантики, категории вида, лексической сочетаемости и методических вопросов для иностранцев. Освоение глаголов движения как одного из языковых явлений упоминается в современных работах Н. В. Гагариной, М. Б. Елисеевой, С. Н. Цейтлин. Однако данная группа слов на материале детских высказываний еще не становилась объектом специального исследования, за исключением статьи А. М. Севастьяновой, основанной на экспериментальных данных[3]. В работе, ограниченной рамками эксперимента по составлению рассказа детьми дошкольного возраста, выделены две группы особенностей при использовании глаголов движения детьми: лексические и грамматические.

На наш взгляд, классификация на материале спонтанной детской речи нуждается в большей дробности и требует соотнесенности с фактами других областей речевой системы ребенка.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили спонтанные высказывания детей, зафиксированные нами в период с 2018 г. по 2025 г. на территории Чувашской Республики в основном в г. Чебоксары, а также глагольная лексика, представленная в словарях В. К. Харченко[4] (58 единиц), С. Н. Цейтлин[5] (27 единиц) и текстах научных статей, посвященных детской речи (20 единиц). Ведущий метод — метод лонгитюдного наблюдения, поскольку большую часть речевого материала составляют родительские записи речевой продукции сестер К. и М. в возрасте до семи лет (около 170 высказываний, содержащих глаголы движения). Записи, видео и письменные заметки, проводились при помощи смартфона. Авторами также фиксировались отдельные необычные факты речи знакомых детей-ровесников (19 контекстов). В качестве письменных источников детской речи привлекались работы школьников, занимавшихся на курсах при Чувашском государственном университете (около 80 человек третьих-девятых классов, порядка 300 работ). В работе использовались метод сплошной выборки и общенаучные методы анализа и сопоставления фактов. Исследование опирается на специфические лексико-грамматические характеристики глаголов движения (одно- и разнонаправленность, способ и среда перемещения), а также параметры, непосредственно касающиеся детской речи (креативность, инновации, нарушения лексической сочетаемости).

Результаты исследования и их обсуждение

На самых ранних этапах речевого онтогенеза в роли глаголов движения детьми употребляются звукоподражания, например: *биби́* о движении транспорта, *заза́* о движении насекомых по воздуху с зудящим звуком. В этом можно усмотреть проявление сверхгенерализации — максимального обобщения признаков языковых единиц в процессе их освоения. «Однако она (генерализация. — *Авт.*) не всегда приводит к формированию в сознании детей категорий, соответствующих узуальной категоризации» [Доброва, Петелина, 2023, с. 80].

В своем становлении речь маленьких детей проходит этап коротких однословных высказываний, когда одно слово заключает в себе сложный смысл, равный целому предложению. Это может быть обусловлено в том числе влиянием лексических особенностей речи взрослых людей, так как имитация играет большую роль в освоении речи. В так называемом языке нянь также используются подобные высказывания-голофразы. Например, для обозначения машины и ее движения принято использовать редупликацию[6] типа *биби*; такое слово функционирует и как существительное, и как глагол, и как предложение типа *машина идет*.

По нашим наблюдениям, на самых ранних стадиях развития детской речи обычно семантизируется передвижение на транспорте.

[1] Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). Москва : Азбуковник, 2009. URL : http://dict.ruslang.ru/freq.php (дата обращения : 19.01.2026).

[2] Елисеева М. Б., Вершинина Е. А., Рыскина В. Л. Макартуровский опросник: русская версия. Оценка речевого и коммуникативного развития детей раннего возраста. Нормы развития. Образцы анализа. Комментарии. Иваново : ЛИСТОС, 2021. 79 с.

[3] Севастьянова А. М. Функционирование глаголов движения в речи русскоязычных детей дошкольного возраста (на материале рассказов по картинкам) // Проблемы онтолингвистики – 2021: языковая система ребенка в ситуации одно- и многоязычия. Санкт-Петербург : ВВМ, 2021. С. 165–171.

[4] Харченко В. К. Словарь современного детского языка. В 2 т. Белгород: БелГУ, 2002.

[5] Цейтлин С. Н. Словарь детских словообразовательных инноваций. Munchen : Verlag Otto Sagner, 2001. 202 с.; Говорят дети : словарь-справочник / С. Н. Цейтлин, М. Б. Елисеева, Л. Н. Галактионова, Т. А. Трифонова. Санкт-Петербург : Издательство РГПУ, 2021. 175 с.

[6] Цейтлин С. Н. Детские речевые инновации // Русский язык в школе. 2022. Том 83. № 5. С. 36-41. DOI 10.30515/0131-6141-2022-83-5-36-41. EDN DGOJMT

CC BY

Для этого используются звуковые сочетания *би-би* или *пр-р-р, тр-р*, так или иначе встречающиеся у всех детей. Жужжание летающих насекомых, которое пугает ребенка, часто обозначается им *за-за*. При этом звуковые комплексы нередко сочетаются с характерной мимикой и устойчивыми поведенческими реакциями, либо направленными на прерывание контакта с пугающим фактором, либо отражающими увлеченность игрой с машинкой (обычно у мальчиков), то есть вербализуется определенная типичная для ребенка ситуация в целом.

В речи детей более позднего возраста также встречаются звукоподражания, обозначающие движение транспорта, встроенные во фразу как синтаксический элемент: *синий трактор тр-р* (вероятно, о персонаже музыкального мультфильма) (М., 3 г.). Это может свидетельствовать о том, что развитие речи у ребенка происходит с использованием единиц предыдущего этапа речевого онтогенеза.

Как известно, детская речь сильно привязана к конкретной ситуации, нередко в ней семантика фраз выводится из комплекса действий и положений. Для речи детей велика роль невербальной составляющей и эмоциональной сферы. В речи одного из наблюдаемых мальчиков (А., 1 г. 9 мес.) неожиданно эпизодически возникло звукоподражание *пи-пи́* как обозначение двигательной активности птиц (воробья, голубя), когда ребенок бежал и указывал пальцем, имитируя, казалось, птичий щебет или писк, пытался догнать, поймать, поближе рассмотреть, потрогать порхающих вокруг пернатых. Но можно предположить, что *пи-пи* комплексно обозначает ситуацию «птичка улетает от меня».

Первые глаголы появляются в речи детей, по нашим данным и данным других лингвистов [Елисеева 2024], примерно в возрасте двух лет, и среди них фиксируются глаголы движения. Конечно, представленность языковых фактов и возрастные характеристики у разных детей отличаются значительно, но появление глаголов движения в числе первых глаголов вполне закономерно, поскольку двигательная активность в раннем возрасте является важной составляющей частью жизни человека, соответственно, она должна осмысливаться для полноценного формирования сознания личности. Девятимесячный ребенок обычно уже старается ползать, а годовалый ходить, наблюдая при этом за движениями в окружающем мире и ориентируясь на прямоходящих взрослых людей. Современная наука говорит, что движение и развитие речи у ребенка связаны неразрывно[7].

На стадии двусловных высказываний первые глаголы движения, по нашим данным, используются в речи детьми в повелительном наклонении, в функции побуждения к действиям, например, такие высказывания: *мам, ди; иди* (имеется в виду *иди сюда, ко мне*); *пойдем, пап; давай обойдем* (лужу); *пошли!, пошли гулять!*

В речи наблюдаемых девочек К. и М. начиная с двух лет пяти месяцев фиксируются следующие языковые единицы при физическом воспроизведении соответствующих действий: *бегаю, бегают, иди, иду, идем, идет, летит, не убегаю, обойдем, пойдем, пойду, пойти, пошла, пошли, пришел, ходить*.

[7] Бузыкаева Е. Р., Батурина Е. А., Гайнитдинова О. В. Движение как основа развития речи у дошкольников // Вопросы дошкольной педагогики. 2024. № 10. С. 7–10.

Во время манипуляций с игрушечными зверями трехлетняя М. спонтанно продуцирует следующие высказывания с глаголами движения в их составе: *зайчик пошел, но за ягодами не пошел; полезай ко мне в норку; ко мне не залезешь; сами лезьте; зарычал, сказал уходи; лиса пришла, тигра выгнала; очень страшно мне ходить в лес за ягодами; прибежал медведь* (вероятно, под влиянием сказок используются застывшие готовые глагольные формы).

На стадии многословных высказываний в возрасте 3,5–4,5 лет и далее способы вербализации движения усложняются, все более приближая детскую речь к взрослой. Дети уверенно используют формы освоенных глаголов движения при описании реальных действий и во время игр, например, в дочки-матери: *я так за ней прихожу в сад; выйду; прибежали, убежали; вышла; зачем туда ходить, еду к бабе*.

Таким образом, среди первых собственно глаголов движения в составе детских высказываний появляется однонаправленный глагол *идти* и парный к нему неоднонаправленный *ходить*, а также их префиксальные производные *пойти, прийти, уйти, обойти, выйти* в формах императива, инфинитива, настоящего и прошедшего времени, будущего составного. В детской речи на ранних этапах реализуется глагольная лексема с разговорным начинательным значением *пойду,* например, в составе *пойду поиграть*. Детьми рано осознаются глаголы, обозначающие движение по воздуху *лететь / летать*. И весьма популярны у детей глаголы *бежать — бегать* и их производные. М. в 5,5 лет освоила глагол *побежать* и образует уже по-своему деепричастие *побежа* при объяснении, как надо выполнять одно из двигательных упражнений: *Вот так, побежа.* Речь детей пяти-семи лет насыщена разного рода инновациями, связанными с глаголами движения, что можно расценивать как проявление самостоятельности при конструировании высказываний по уже известным ребенку языковым моделям, а не простом комбинировании готовых глагольных форм из взрослой речи, как это наблюдалось ранее.

Однако не все глаголы для ребенка актуализируются одинаково. Например, семилетняя К. при заучивании строк А. С. Пушкина «Колдун несет богатыря» задала вопрос: *Что такое несет?* Видимо, в сказочном контексте виделось девочке что-то таинственное, и она не узнала глагол *нести*. Вместе с тем зафиксированы примеры использования ею глаголов *приносить, относить* в возрасте пяти лет: *Я же приносила, я теперь должна относить*.

В связи с этим родителям и педагогам в общении с детьми можно рекомендовать комментирование при помощи соответствующей лексики двигательной активности в повседневной речи, при чтении книг, а также обращать внимание на то, как ребенок использует глаголы, и мягко корректировать речь по необходимости. Кроме того, очевидна необходимость следить за чистотой собственной речи.

Обобщив «отрицательный материал», не соответствующий общепринятой языковой норме, среди главных неправильностей в употреблении детьми глаголов движения русского языка выделим следующие положения:

CC BY

1. Устранение чередования согласных основы слова *ж / г (бежать — бегать), т / ч (летаю — лечу, скакать — скачу), х / д (ехать — еду), зд / зж (ездить — езжу), д / ж (ходить — хожу)* в стремлении унифицировать парадигму нестандартных глаголов. Многочисленны примеры, демонстрирующие устранение чередований согласных у глагола *бежать* и его префиксальных производных: *бежат* вместо *бегут, побегим* (побежим), *подбеговаjу* (подбегаю), *убежáешь?* вместо *убегаешь, бежу* (бегу).

«Среди сделанных нами фиксаций имеется такой пример диалога: *Добежишь?* — спрашивает взрослый. *Добежу* — ответ ребенка (К., 5 л. 6 мес.) вместо добегу. Причем ответ очень логичный и зеркально закономерный, как эхо. Согласимся с Н. М. Введенской, которая трактует это явление следующим образом: «… окончания, отвечающие за форму глагола, присоединяются к унифицированной основе, предложенной в конкретных обстоятельствах» [Введенская, 2023, с. 71]. Именно языковое окружение и определенная ситуация, например, диалог, провоцируют ребенка использовать одну глагольную основу с соответствующим согласным звуком для образования необходимых ему в речи новых форм глагола движения.

В словаре С. Н. Цейтлин зафиксированы окказиональные производные от глагола бежать, что говорит о популярности и продуктивности данной языковой единицы: два существительных *бежанье* (действие); *бежун* (кто бежит) и два прилагательных *бежучий* (обладающий способностью быстро, хорошо бегать) и в более позднем издании *бегливый*.

Функционирование среди зафиксированных необычных фактов формы первого лица глагола *скакаю* (вместо *скачу*) и *ехаю* вместо *еду, ездию* вместо *езжу*, прошедшего времени *езжала* вместо *ездила* (в словаре В. К. Харченко) — явление устранения чередования согласных основы того же порядка, как и в диалоге: *Не ходи обутый в дом! — А я и не ходу* (вместо хожу).

Чередование ликвидируется также при образовании отглагольных существительных в детской речи, например, от глагола *ходить — ходéние* вместо *хождение (д / жд)* в контексте: *Ходение лучше, чем летание* (М., 5 л. 3 мес.).

2. Смешение глаголов одно- и разнонаправленного действий. Имеются примеры с глагольными лексемами однонаправленного, однократного действия в анализируемой спонтанной детской речи в функции параллельных им разнонаправленных глаголов. В таких случаях глагол *идти* обозначает продолжительное наблюдаемое или производимое действие в настоящем времени или в функции побуждения. Например, взрослый говорит: *Иди, Катя, гулять с папой, а сестра* (К., 3 г. 10 мес.) против этого: *Не иди* (вместо *не ходи*). Имеются и поздние фиксации, например, 6,5 лет: во время игры в прятки: *не иди сюда* (вместо *не ходи*). Вполне закономерен для языковой системы используемый в таком случае детьми способ запретить действие путем присоединения отрицательной частицы *не* к глаголу по модели *делай — не делай*. Однако в традиционном узусе при отрицании используется не сам глагол *идти*, а парный к нему глагол движения *ходить*. Значит, этот узуальный контекст употребления глагола *идти* детьми еще не усвоен.

Отметим по словарю В. К. Харченко следующие случаи смешения глаголов одно- и разнонаправленного движения в переносном значении: *Когда дождь ходил, помнишь, я по лужам прыгала? Когда снег весной и летом ходит, он быстро тает. А почему из крана кипяченая вода не ходит?; Мама, смотри, небо быстро ходит* (в значении «двигаться» о плывущих облаках). Как видим, детьми расширяется лексическое значение глагола *ходить*, а также раздвигаются границы его традиционного функционирования в современном русском языке.

Неточности в употреблении глаголов *ехать — ездить* фиксируются в письменной речи учащихся школ, в частности, в изложении фраза учимся ездить на велосипеде передается детьми с глагольной лексемой ехать. Сведения об умениях в таком случае заменяются информацией о движении в определенном направлении, что несколько искажает смысл узуального высказывания *учиться ездить на велосипеде*.

3. Наличие разговорных и просторечных форм: *ходют* вместо *ходят, ездиют* вместо *ездят, ездю* вместо *езжу, едь* вместо *поезжай*. Повсеместно на детских площадках слышится аналогичное этому: *Не спускайся с велика* (велосипеда), *едь до дома!* В устной речи появление таких примеров также можно объяснить фонетическими причинами — стремлением упростить систему произношения глагольных форм по одному доминирующему в языке варианту. Очевидно, что разговорная речь взрослых людей, контактирующих с ребенком, существенным образом влияет на его речь, можно даже сказать, что она ее и формирует. Современная разговорная русская речь характеризуется упрощениями, контекстуальными зависимостями и другими особенностями, обусловленными спонтанностью и непосредственностью общения [Мечковская, 2024].

В проанализированной письменной речи школьников также неоднократно встречаются единицы просторечной принадлежности *ездием / ездеем* вместо *ездим*. Отметим, что глагольная основа *езд-* оказалась более продуктивной в детской речи, чем параллельная *ех-*. Окказиональные производные от *ездить* обнаруживаются в словаре С. Н. Цейтлин: *ездник, ездучий*.

4. Осмысление и переосмысление основных и переносных значений у многозначных глаголов движения. Ошибка в использовании префиксов говорит о смешении в речи антонимичных глаголов движения. Например, удаляющийся ребенок в три года четыре месяца в ответ на вопрос взрослого *Ты куда?* говорит: *Туда* (по направлению движения) *принесу* (предмет) вместо узуального *несу, унесу*.

Отдельные случаи смешения движения на транспорте и движения без транспорта зафиксированы в словаре В. К. Харченко с общей тенденцией к замене всех способов перемещения одним центральным глаголом *ходить* при расширении его значения: *Почему здесь и на велосипедах ходят?* Отметим, что на этот глагол приведено больше всего примеров использования в детской речи — 18, в то время как на *идти* — 13, *бежать* — десять, *бегать* — три, других глаголов в словарных статьях два и меньше. Интересно, что для вести отсутствует отдельная статья в словаре, но он упомянут в других многочисленных переносных значениях: *вести себя, завести питомца*.

CC BY

Инновации и разного рода неправильности в использовании глаголов движения детьми в большинстве случаев связаны с креативным подходом в освоении языка. Например, ребенок двух с половиной лет сначала слышит разговор матери с подругой о том, что восьмой зуб вышел. А потом выражает свои мысли: *снег вышел*. Мать правильно корректирует ребенка: *выпал, а не вышел*. Действительно, о зубе можно сказать *вышел* в значении «появился», а о снеге — нет. Вместе с тем в узуальном употреблении о движении снега встречается и весьма распространена парная глагольная лексема *идти — пойти*: *снег идет, пошел*. Вероятно, ребенок обобщил эту речевую информацию, воспринятую от взрослых, и сделал выводы, решив, что можно сказать снег вышел в значении «снег появился первый раз в этом сезоне». В таком случае наблюдаем расширение лексической сочетаемости у глагола движения выйти.

Намеренные игровые стратегии находят выражение в детской речи в связи с употреблением глаголов движения, например: *Я видела: баба по потолку ходила* (М., 5 л. 4 мес.). В языковой игре проявляется наивная креативность ребенка. Язык выступает для ребенка как «естественная креативная среда. Именно в сфере детской речи наличествует некая зона “языковой свободы”, проявляющая потенциал языка, не востребованный нормой» [Гридина, 2025, с. 58].

Девочка К. семи лет, занимаясь чистописанием, выводит в тетради слово *объезд*, потом объясняет: *это кто объедается*. Этот пример спонтанного языкового каламбура, в котором реализован креативный потенциал, демонстрирует большую значимость звукового облика слова для ребенка, мы видим его омофонию с другим глаголом, обозначающим процесс принятия пищи (*объест*) и имеющим, вероятно, приоритетное положение в когнитивном сознании ребенка.

Педагоги, работающие с дошкольниками, весьма широко применяют в своей деятельности ставшую популярной у детей игру «Летает, не летает», во время которой ребенок должен продемонстрировать знание лексического значения и сочетаемостных возможностей русского глагола, обозначающего движение по воздуху. Интересно, что дети, после того, как поймут основные правила, начинают играть со словами, дурачиться, соединяя несочетаемые слова, рисуя в воображении шутливые картинки, конструируют собственный парадоксальный дискурс и предлагают над ним посмеяться: *летает дом, колбаса, мишка, лиса, туалет*. Последнее возникло, вероятно, под влиянием популярного современного интернет-мема Скибиди-туалет.

Глагол *лететь* фигурирует также в детских фразах, характеризующих движение рыбы в воде. По нашим наблюдениям, шестилетний ребенок способен к осмыслению наличия переносных значений у глаголов, описывающих движение по воздуху. Например, папа говорит, наблюдая за быстро идущим по трассе автомобилем скорой помощи: *скорая летит*. А ребенок комментирует его слова следующим образом: *летит значит — очень быстро идет (едет)*. Слова маленького человека демонстрируют нам его мыслительные операции, сложную работу мозга, направленную на определение нового точного значения уже известного ему слова.

В словаре В. К. Харченко находим такую фразу 13-летнего школьника: *Это было после смерти Ивана Грозного — но туда мы еще не ходили* (неправильно выбран бесприставочный глагол *ходить* вместо приставочного многозначного *проходить* в переносном значении «изучать»).

Приведенные примеры демонстрируют, как происходит расширение лексического значения и сочетаемостных возможностей у глаголов *выйти, летать — лететь* и *ходить* в детской речи.

5. Грамматические ошибки в управлении и выборе видовой пары у глаголов движения. В спонтанной устной речи наблюдаемых детей примеры отсутствуют. Отдельные единичные случаи неправильного выбора падежа и предлога зафиксированы в словаре В. К. Харченко: *ходил за вас* в переносном значении *ухаживал за вами*; *едет через новый маршрут* вместо *по новому маршруту*.

В письменной речи наблюдаем такой пример смешения видов глагола (зафиксировано нами в работах учеников школ): *Мальчик схватил за руку малыша и отвел его к маме, пока другие ребята убежали* (неуместно использован глагол совершенного вида, обозначающий факт, результат — *убежали*, вместо глагола несовершенного вида, обозначающего продолжительность действия, процесса, *убегали*). В устной спонтанной речи детей смешение видов не зафиксировано, то есть различение вида у глаголов движения довольно рано и хорошо усваивается в родном языке человеком, но контекстуальные письменные ошибки возможны, они аналогичны ошибкам взрослых по невнимательности и нечуткости к языковым фактам в составе сложных синтаксических конструкций. Детская речь в этом плане коренным образом отличается от речи взрослых людей большей чуткостью к явлениям языка, свежестью взгляда и креативностью. Школьный речевой онтогенез и письменную речь, его сопровождающую, можно считать новым этапом в становлении языковой личности человека, при этом освоение рассматриваемой глагольной лексики продолжается на новом витке развития.

Выводы

Дети, используя глаголы движения в речи, прежде всего ориентируются на обращенную к ним речь взрослых людей, языковые факты, выпадающие из парадигмы, приводят в строгую систему без исключений. Детская речь демонстрирует большой деривационный потенциал данной глагольной лексики русского языка и возможности применения игровых стратегий в речи. Для нее характерно расширение лексического значения и сочетаемостных возможностей у глаголов движения.

Рассмотрев особенности использования глаголов движения в составе детских высказываний и проанализировав случаи отступления от норм употребления данной лексико-семантической группы слов, мы в качестве наиболее характерных явлений выделяем устранение чередования согласных основ, неправильный выбор между одно- и разнонаправленным глаголом, наличие разговорных и просторечных форм, творческое осмысление и переосмысление переносных значений у многозначных глаголов движения, грамматические ошибки в управлении и письменные ошибки в выборе видовой пары.

CC BY

Список литературы

Введенская Н. М. Каркас русской грамматики // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Том 165. № 3. С. 67-78. DOI 10.26907/2541-7738.2023.3.67-78. EDN CMKJRK

Гридина Т. А. Аксиологические регистры языковой игры в детской художественной литературе // Филологический класс. 2025. Том 30. № 2. С. 57-66. DOI 10.26170/2071-2405-2025-30-2-57-66. EDN UORGND

Доброва Г. Р., Петелина О. И. О роли генерализации в процессе онтогенеза темпорального дейксиса // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Том 165. № 3. С. 79-90. DOI 10.26907/2541-7738.2023.3.79-90. EDN BHBNXK

Елисеева М. Б., Тьосса К. А. Языковая система ребенка на этапе лексического взрыва: индивидуальное и типичное // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Том 166. № 5. С. 154-165. DOI 10.26907/2541-7738.2024.5.154-165. EDN TUWEWY

Мечковская Н. Б. Первый академический проект исследования разговорной русской речи: лингвистические открытия и социокультурные следствия // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2024. № 3. С. 230-243. DOI 10.31912/pvrli-2024.3.18. EDN OBXTJU

Цейтлин С. Н. Детские речевые инновации // Русский язык в школе. 2022. Том 83. № 5. С. 36-41. DOI 10.30515/0131-6141-2022-83-5-36-41. EDN DGOJMT

Цейтлин С. Н. К вопросу о словообразовании в русской детской речи // Российский гуманитарный журнал. 2021. Том 10. № 2. С. 99-110. DOI 10.15643/libartrus-2021.2.4. EDN UTRSNM

References

Vvedenskaya, N. M. (2023). Russian grammar framework. *Kazan Journal of historical, linguistic, and legal research, 165*(3), 67-78. EDN: CMKJRK. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.3.67-78

Gridina, T. A. (2025). Axiological registers of language game in children's fiction. *Philological Class, 30*(2), 57-66. EDN: UORGND. https://doi.org/10.26170/2071-2405-2025-30-2-57-66

Dobrova, G. R., Petelina, O. I. (2023). On the role of generalization in the process of temporal deixis ontogenesis. *Kazan Journal of historical, linguistic, and legal research, 165*(3), 79-90. EDN: BHBNXK. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.3.79-90

Eliseeva, M. B., Tossa, K. A. (2024). The child's language system during the vocabulary explosion: Individual and common trends. *Kazan Journal of historical, linguistic, and legal research, 166*(5), 154-165. EDN: TUWEWY. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.5.154-165

Mechkovskaya, N. B. (2024). The first academic research project on spoken Russian: Linguistic discoveries and sociocultural consequences. *Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian language Institute, 3*, 230-243. EDN: OBXTJU. https://doi.org/10.31912/pvrli-2024.3.18

Tseitlin, S. N. (2022). Children's speech innovations. *Russian language at school, 83*(5), 36–41. EDN: DGOJMT. https://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-5-36-41

Tseitlin, S. N. (2021). On the question of derivation in the children's speech. *Liberal arts in Russia, 10*(2), 99-110. EDN: UTRSNM. https://doi.org/10.15643/libartrus-2021.2.4

Информация об авторах

Анисимова Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент,
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова
г. Чебоксары, Российская Федерация;
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0635-346X;
e-mail: anirin82@mail.ru

Никитина Алена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент,
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова
г. Чебоксары, Российская Федерация;
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9860-6267;
e-mail: alyona.nikitina@gmail.com

Игнатьева Елена Анатолиевна – кандидат филологических наук, доцент,
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова
г. Чебоксары, Российская Федерация;
ORCID: https://orcid.org/0009-0006-1268-8414;
e-mail: dima2010ivanoff@mail.ru

Information about the authors

Irina N. Anisimova – Cand. Sci. (Phil.), associate professor
Chuvash State University
Cheboksary, Russian Federation;

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0635-346X;
e-mail: anirin82@mail.ru

Alena Y. Nikitina – Cand. Sci. (Phil.), associate professor,
Chuvash State University
Cheboksary, Russian Federation;

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9860-6267;
e-mail: alyona.nikitina@gmail.com

Elena A. Ignateva – Cand. Sci. (Phil.), associate professor,
Chuvash State University
Cheboksary, Russian Federation;

ORCID: https://orcid.org/0009-0006-1268-8414;
e-mail: dima2010ivanoff@mail.ru

Поступила в редакцию 18.10.2025
Принята к публикации 31.01.2026
Опубликована 05.02.2026

Received 18 October 2025
Accepted 31 January 2026
Published 5 February 2026

CC BY

Научная статья

https://doi.org/10.31483/r-153543
УДК 821.161.1-93(09)«1941-1945»:82-98

Символы и символические структуры в романах о детях военного времени: «Ночевала тучка золотая» А. Приставкина и «Книжный вор» М. Зусака

Лазуткина О. А.[a], **Машукова Д. А.**[b]
Старооскольский филиал Белгородского государственного национального исследовательского университета
г. Старый Оскол, Российская Федерация.
[a] https://orcid.org/0009-0009-8765-419X, e-mail: oalazutkina@mail.ru
[b] https://orcid.org/0009-0009-6189-1699, e-mail: d.bogatireva@yandex.ru

Резюме. В статье проводится компаративный анализ символов и символических структур в романах «Книжный вор» австралийского писателя М. Зусака и «Ночевала тучка золотая» советского автора А. Приставкина. Несмотря на различия культурного и исторического контекста — Холокост в нацистской Германии и депортация народов в Советском Союзе — оба произведения обнаруживают типологическое сходство в использовании символических стратегий для репрезентации детского опыта войны. Теоретической основой исследования служат работы по философии и теории символа, нарратологии, теории травмы и концепция мультинаправленной памяти М. Ротберга. Методология включает компаративный, структурно-семантический, мотивный, нарратологический, контекстуальный и интертекстуальный анализ. Исследование выявляет универсальные механизмы символизации травматического опыта: символику слова и книги как средства сопротивления тоталитарному режиму, спасения и сохранения культурной памяти; символические мотивы парности и близничества; символико-нарротологическую функцию образа Смерти, цветовую символику. При общности ключевых тем (детство и война, сиротство, репрессии) тексты демонстрируют различные модели доступа к слову: активное овладение культурой у М. Зусака и исключенность из мира культуры у героев А. Приставкина. Применение комплексной методологии позволяет продемонстрировать, как оба автора используют символические структуры для артикуляции опыта исторической катастрофы.

Ключевые слова: символ, дети войны, компаративный анализ, А. Приставкин, М. Зусак, символические структуры, система парности и близничества.

Для цитирования: Лазуткина О. А. Символы и символические структуры в романах о детях военного времени: «Ночевала тучка золотая» А. Приставкина и «Книжный вор» М. Зусака / О. А. Лазуткина, Д. А. Машукова // Этническая культура. 2026. Т. 8, № 1 С. 20-24. DOI 10.31483/r-153543. EDN QBXMKT

Research Article

Symbols and Symbolic Structures in Novels About Wartime Children: “The Golden Cloud Stayed Over” by A. Pristavkin and “The Book Thief” by M. Zusak

Olesia A. Lazutkina[a], **Daria A. Mashukova**[b]
Starooskolsky Branch of Belgorod State University
Stary Oskol, Russian Federation.
[a] https://orcid.org/0009-0009-8765-419X, e-mail: oalazutkina@mail.ru
[b] https://orcid.org/0009-0009-6189-1699, e-mail: d.bogatireva@yandex.ru

Abstract. The article provides a comparative analysis of symbols and symbolic structures in the novels “The Book Thief” by the Australian writer M. Zusak and “The Golden Cloud” by the Soviet author A. Pristavkin. Despite the differences in cultural and historical context — the Holocaust in Nazi Germany and the deportation of peoples in the Soviet Union — both works share a typological similarity in their use of symbolic strategies to represent the children’s experiences of war. The theoretical basis of the study is the works on philosophy and the theory of symbol, narratology, the theory of trauma, and the concept of multidirectional memory by M. Rothberg. The methodology includes comparative, structural-semantic, motivational, narratological, contextual, and intertextual analysis. The study reveals the universal mechanisms of symbolization of traumatic experience: the symbolism of the word and the book as means of resistance to a totalitarian regime, salvation, and preservation of cultural memory; symbolic motifs of duality and twinning; symbolic-narrative function of the Death image, color symbolism. It is shown that, despite the commonality of key themes (childhood and war, orphanhood, repressions), the texts demonstrate different models of access to the word: active mastery of culture in M. Zusak and exclusion from the world of culture in the characters of A. Pristavkin. The use of a comprehensive methodology allows us to demonstrate how both authors use symbolic structures to articulate the experience of historical catastrophe.

Keywords: symbol, comparative analysis, children of war, A. Pristavkin, M. Zusak, symbolic structures, system of pairs and twins.

For citation: Lazutkina O. A., & Mashukova D. A. (2026). Symbols and Symbolic Structures in Novels About Wartime Children: “The Golden Cloud Stayed Over” by A. Pristavkin and “The Book Thief” by M. Zusak. *Ethnic Culture, 8*(1). 20-24. EDN: QBXMKT. https://doi.org/10.31483/r-153543

CC BY

Введение

В литературе о детстве и войне детский нарратив представляет уникальную перспективу осмысления исторической катастрофы через сознание ребенка. Мы обратились к двум произведениям, разделенным культурными границами и историческими контекстами, но демонстрирующим поразительное сходство в символических стратегиях репрезентации детского опыта войны: «Ночевала тучка золотая» А. Приставкина и «Книжный вор» австралийского писателя М. Зусака. В рамках теории мультинаправленной памяти М. Ротберга[1] «события депортации народов и отражение этой темы в русской и национальных литературах»[2] и преследовании евреев в Германии в годы Второй мировой войны оказываются продуктивными не для создания ложной эквивалентности, но для выявления универсальных механизмов репрезентации геноцида в литературе.

Современный художественный текст наполнен многомерными символами и символическими структурами. А. Ф. Лосев[3], в частности, утверждает восприятие символа в реалистическом искусстве в виде органического единства идеи и образа. Фундаментальные работы по теории символа представлены разнонациональными исследованиями Э. Кассирер[4], Ю. Лотмана [Лотман, 2023], К. Лангер[5], Р. Якобсона[6] и других, они и составляют основу предлагаемого исследования.

Военная тематика на сегодняшний день приобрела в контексте гуманитарного знания острую социальную актуальность, поэтому исследование детской травмы в творчестве А. Приставкина и М. Зусака важно для понимания глубинных механизмов воздействия исторических событий на формирование личности и общества. В контексте данного исследования нас интересует не «героический нарратив», не «героическая модель поведения ребенка на войне» [Маслинская, 2019, с. 195], но проблема внутренней силы детей перед лицом жестокой опасности. Символические структуры анализируемых произведений выступают средством объективизации и осмысления травматического опыта, что имеет терапевтическое и аналитическое значение для читателя и исследователя.

Отметим, что компаративный анализ произведений «Ночевала тучка золотая» и «Книжный вор» в критических источниках не представлен, однако произведения объединяют общие стержневые темы, делающие их сравнение литературно значимым: детство и война, беспризорность и потеря семьи, система репрессий и политического насилия, социально-политический контекст.

Материалы и методы исследования

Эмпирической базой исследования послужили два художественных произведения о детях военного времени: повесть А. Приставкина «Ночевала тучка золотая» (1987) и роман М. Зусака «Книжный вор» (2005). Тексты рассматриваются как репрезентативные примеры художественного осмысления детской травмы в условиях исторических катастроф разного типа: депортации народов в Советском Союзе и Холокоста в нацистской Германии.

Авторы исследования ориентируются на теоретические работы по проблемам символа и символических структур, исследования по теории травмы и памяти, а также концепцию мультинаправленной памяти М. Ротберга, позволяющую сопоставить различные исторические контексты без их уравнивания.

Методологическую основу составляет комплекс качественных гуманитарных методов, ориентированных на интерпретацию художественного текста: компаративный анализ, который применяется для выявления типологического сходства и различий в системе символов и символических структур двух произведений (символика слова и книги, природные образы, цветовая символика, система парности и близничества, мотив утраченной невинности); структурно-семантический и мотивный анализ, направленный на описание и классификацию ключевых символов, мотивов и их функций в формировании образа ребенка на войне и в репрезентации травматического опыта; нарратологический анализ, позволяющий рассмотреть особенности детского нарратива, способы фокусировки сознания ребенка, специфику рассказчика, временную организацию повествования и их роль в конструировании символических структур; контекстуальный и интертекстуальный анализ, используемый для выявления связей с культурной и литературной традицией (в частности, с лермонтовским текстом в повести А. Приставкина), а также для соотнесения образной системы произведений с историко-культурным и идеологическим контекстом; подход к теории травмы и памяти, позволяющий интерпретировать символические структуры как способы художественной артикуляции невыразимого опыта войны, геноцида и депортации и как механизм культурной памяти и сопротивления дегуманизирующим практикам.

Применение комплексной методологии обеспечивает многоплановый анализ текстов: от выявления и описания отдельных символов до реконструкции целостных символических структур, отражающих модели переживания и преодоления детской травмы в условиях тоталитарного насилия и войны.

Результаты исследования и их обсуждение

Центральным символом обеих книг является слово. Так, у А. Приставкина название отсылает к лермонтовской поэтической строке: *Ночевала тучка золотая на груди утеса-великана.* Для главных героев повести, братьев, детдомовских Кольки и Сашки, эта романтическая образность остается недостижимым идеалом, контрастирующим с суровой реальностью войны и депортации.

[1] Rothberg M. Multidirectional Memory: Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization. Stanford : Stanford University Press, 2009. 379 p.
[2] Монисова И. В. Программа учебной дисциплины «Литературы народов России» // STEPHANOS. 2020. № 2. С. 145.
[3] Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. Москва : Искусство, 1995. 319 с.
[4] Кассирер Э. Философия символических форм. Москва : Университетская книга, 2002. Том 1. 272 с.
[5] Лангер С. К. Философия в новом ключе. Москва : Республика, 2000. 287 с.
[6] Якобсон Р. О. Работы по поэтике. Москва : Прогресс, 1987. 461 с.

CC BY

«Герои его повести оказываются в более сытом, чем Подмосковье, месте <…> Северный Кавказ 1944 года, откуда за несколько месяцев до приезда туда эвакуированных детей войска НКВД депортировали чеченцев и ингушей» [Майофис, Куклин, 2024, с. 271]. Н. А. Белоконь-Пожарицкая совершенно справедливо утверждает, что «во все времена институт сиротства формировался в результате войн, эпидемий, голода, высокой родительской смертности, политических, экономических, социальных и культурных кризисов»[7]. А. Приставкин изображает растерянность и слезы сироты после осознания жестокой смерти родного брата (истерзанного тела, распятого на заборе) в параллели с образом утеса. Поэтическое лермонтовское слово усиливает мотив беспредельного одиночества юного героя.

М. Зусак также выстраивает повествование на символической структуре слова. Маленькая девочка Лизель, живущая в нацистской Германии, у которой на глазах умирает младший брат, находит источник спасения в книгах. Первая украденная Лизель книга — «Справочник могильщика» — становится связующим звеном с умершим братом и отправной точкой в овладении грамотностью. «Она [Лизель] задалась вопросом, в какой момент книги и слова стали не просто что-то значить, а значить все». Слово в романе М. Зусака символизирует силу, спасение и сопротивление тоталитарной идеологии. В контексте нацистской Германии, где книги сжигаются на площадях, акт кражи книг главной героиней Лизель Мемингер становится актом гражданского неповиновения и утверждения автономной личности.

К образам братьев Сашки и Кольки Кузьменышей А. Приставкина и Лизель М. Зусака можно применить высказывание С. Г. Маслинской о сюжетообразующем мотиве усыновления сироты. «С точки зрения типологии персонажей, эти сюжетные вариации едины: дети, потерявшие родных, нуждаются в опеке и обретают ее» [Маслинская, 2019, с. 202]. Мальчики находят материнскую заботу в лице воспитательницы колонии Регины Петровны, а Лизель в приемных родителях — четы Розы и Ганса Хуберманов. Именно усыновитель учит девочку читать и понимать слово как основу мира.

Книга в романе «Книжный вор», как и поэтическое слово в повести «Ночевала тучка золотая», выполняют символическую охранную функцию существования культуры, красоты и гуманности в мире, где эти качества вытеснены детскими страданиями, войной, голодом, насилием. «Главным богатством Лизель являются книги, сложенные из множества слов. Она относится к ним с благоговением и любовью»[8]. В отличие от Лизель, которая активно овладевает грамотностью и словом как орудием сопротивления, братья Колька и Сашка остаются исключенными из мира культуры. Их доступ к слову опосредован через обрывки слышанного, фрагменты, не составляющие целого. Тем не менее, слово в обеих книгах — есть символ возможного выживания через интеллектуальное, эмоциональное, даже интуитивное сопротивление.

Центральным символическим мотивом в исследуемых произведениях является близничество как поиск универсальной целостности. Близнецы в фольклорной и литературной традиции славян символизируют неразрывную связь. В тексте у А. Приставкина «связь и сходство близнецов ведут к их известному отождествлению»[9], постоянно подчеркивается единство братьев Кольки и Сашки: «Тут они едины: Кузьменыши. Если вдруг один, то вроде бы половинка. Но поодиночке их видели редко, да можно сказать, что совсем не видели! Вместе ходят, вместе едят, вместе спать ложатся». Автор сосредотачивает свое внимание на неразделимом целом «Колька и Сашка, или Сашка и Колька». Однако смерть Сашки разрушает эту целостность. Колька, оставшийся один, теряет не только брата, но и часть себя. Символика расщепленного «я» отражает травму не только личную, но и коллективную: война разрушает идентичности, разрывает связи, делает невозможным возвращение к прежней целостности.

В романе М. Зусака также присутствует система парности. Она иная, нежели у А. Приставкина, но служит схожей цели. Главная героиня «Книжного вора» девочка Лизель и ее друг Руди Штайнер — пара, дополняющая друг друга. Мальчик, восхищающийся чернокожим атлетом Джесси Оуэнсом и красящий себя углем, символизирует невинное непонимание расовой идеологии нацизма. Лизель интуитивно видит в нем единомышленника. Смерть Руди во время бомбардировки культивирует тему несостоявшейся любви и украденного будущего. «Лизель склонилась и посмотрела в его безжизненное лицо и поцеловала своего лучшего друга Руди Штайнера в губы, мягко и верно. На вкус он был пыльный и сладкий. Вкус сожаления в тени деревьев <…>. Она целовала Руди долго и мягко, а когда оторвалась от его губ, еще раз коснулась их пальцами. Руки у нее тряслись, губы полнились, и она еще раз склонилась, на сей раз — не владея собой…». В контексте случайной детской смерти в условиях войны значимы слова А. Ассман о роли пассивной жертвы, «которую следует четко отличать от героической мученической жертвы», ее абсолютная пассивность коннотирует «с невинностью и чистотой»[10]. Мотив утраченной невинности через встречу со смертью сопровождает переход Лизель во взрослую жизнь.

Система парности в романе расширяется и выделением дружбы Макса Вандербурга и Лизель, объединенной словом и книгой. Макс, еврей, скрывающийся в подвале в доме родителей героини, и Лизель создают пространство сопротивления нацизму через совместное чтение и письмо: «А иногда, где-то в просветах между точкой и следующей прописной буквой, ей встречался Макс. Лизель вспоминала, как читала ему, когда он болел. В подвале он или нет, гадала она. Или опять вышел украсть кусочек неба?».

[7] Белоконь-Пожарицкая Н. А. Проблема сиротства в повести А. Приставкина «Ночевала тучка золотая» // Восточнославянская филология. Литературоведение. 2022. № 15. С. 45.

[8] Садриева Г. А. Колоративный символизм в романе Маркуса Зусака «Книжный вор» // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития. Набережные Челны, 2019. С. 129.

[9] Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 1994. С. 5.

[10] Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. Москва : Новое литературное обозрение, 2014. С. 49.

CC BY

Связь этих двух персонажей в процессе чтения и письма, а затем воспоминаний о них, функционирует не как простое удвоение или параллелизм, а как попытка создать альтернативный нарратив, параллельный официальному дискурсу Третьего рейха.

Уникальной нарративной особенностью романа М. Зусака становится выбор нарратора. В. Я. Пропп[11] и современные теоретики нарратива А.-Ж.Греймас[12], К. Бремон[13], Ц. Тодоров[14], В. Шмид[15], С. Чатмен[16] и др. рассматривают нарратив как структуру, организующую события, действующих лиц и их действия в осмысленную последовательность, имеющую начало и финал. Важным для понимания нарратива оказывается и композиционная организация. Смерть в романе «Книжный вор» является повествователем, создавая, таким образом, нарративную модель художественного текста. С помощью данного типа повествователя автор достигает эффекта остранения и глубокого сопереживания. «Поскольку нарратор живет как вечное постороннее существо, наблюдающее за человечеством, персонифицированная смерть обладает внешней точкой зрения на человеческие страдания»[17]. Необходимо заметить, что с позиции нарратологического анализа Смерть, безусловно, является фокальным персонажем, глазами которой читатель наблюдает за событиями.

М. Зусак трансформирует устоявшуюся символику образа Смерти в своем романе за счет инверсии традиционных ролей — Смерть выступает как гуманная фигура, не приводящая в ужас людей. Специфическое положение нарратора заключается в том, что он служит мощным инструментом критики тоталитарной системы, которую выстроил А. Гитлер, «уничтожил демократию и построил диктатуру»[18]. Смерть говорит: «I'm haunted by humans» («Меня преследуют люди»).

Цветовая символика романа дополняет присутствие нарратора. Так, Смерть воспринимает мир через цвета небес в момент отсоединения души от плоти: «Сначала приходят цвета. Затем люди». В «Книжном воре» так или иначе варьируются сочетания трех цветов — черного, белого и красного. Изначально ассоциируясь с нацистским флагом, данное цветовое сочетание составляет символическую структуру траура и мрака. «Они накладываются друг на друга. Черная небрежной закорючки на белую слепящего земного шара и на густую похлебочную красную».

Очевидно, что структура нарратива в романе М. Зусака выстраивается через проспекцию, тем самым подчеркивая исключительность всезнающего повествователя. Смерть заранее сообщает читателю о будущих трагедиях, создавая эффект неизбежности.

В отличие от М. Зусака А. Приставкин более традиционен в создании нарративного дискурса. Он использует форму повествования от третьего лица, но достигает похожего приема остранения с помощью детской точки зрения. Более того, в тексте одновременно сосуществуют точка зрения автора и детская точка зрения — психологическая точка зрения героя, мотивированная его возрастом, которая и передает его пространственно-временную позицию. Так, мучительная смерть одного из героев передана глазами его брата. Передача детской точки зрения выражается в многократных повторах имени Сашка, подчеркивающие невозможность поверить в происходящее: «Сашка не стоял, а висел», «выражение лица у Сашки ужасно дурашливое».

Выводы

Проведенный сравнительный анализ некоторых символических структур в повести А. Приставкина «Ночевала тучка золотая» и романе М. Зусака «Книжный вор» выявил универсальные механизмы репрезентации детской травмы, обусловленной войной, депортацией и геноцидом. Этот ряд можно продолжить и другими символами, например, смерти, перекликающимся с «танатологическими мотивами» [Неткачева, Хрущева, 2022, с. 5], природы, цвета, что может стать перспективой дальнейшего исследования.

Слово и книга функционируют в обоих произведениях как символы сопротивления, спасения и культурной памяти, противостояния дегуманизирующему воздействию тоталитарных систем и военного насилия. Значительная разница в активности героев в овладении словом (Лизель как активный субъект культуры и братья Кузьменыши — исключенные из мира культуры) демонстрирует различные модели преодоления травмы. Символ близничества играет роль преодоления разобщенности и разрушения единства.

Исследование подтверждает, что символические структуры художественных произведений позволяют осмыслить глубинные механизмы воздействия исторических катастроф на формирование личности и общественного сознания.

[11] Пропп В. Я. Морфология сказки. Ленинград : Academia, 1928. 152 с.
[12] Греймас А.-Ж. Размышления об актантных моделях // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. Москва : Прогресс, 2000. С. 153–170.
[13] Бремон К. Логика повествовательных возможностей // Семиотика и искусствометрия. Москва : Мир, 1972. С. 108–135.
[14] Тодоров Ц. Грамматика повествовательных текстов // Новое в зарубежной лингвистике. Москва : Прогресс, 1978. С. 450–463.
[15] Шмид В. Нарратология. Москва : Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
[16] Chatman S. Story and Discourse. Narrative Structure in Fiction and Film // Journal of the University Film Association. 1980. 32. P. 71–74.
[17] Садриева Г. А. Там же.
[18] Демесинова Ф. Б. Тоталитаризм и его социально-философское значение // Вестник Кыргызского национального университета им. Жусупа Баласагына. 2024. № 1. С. 215.

CC BY

Список литературы

Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Москва : Эксмо, 2023. 512 с.

Майофис М., Куклин И. Позднесоветская литература об этнических депортациях в полемике с советским романом воспитания // Новое литературное обозрение. 2024. № 4. С. 255-281. DOI 10.53953/08696365_2024_188_4_255. EDN NMAVLT

Маслинская С. Г. Насилие и травма в детской литературе 1941–1945 годов // Русская литература. 2019. № 2. С. 194-203. DOI 10.31860/0131-6095-2019-2-194-203. EDN DXKXUO

Неткачева Е. Д., Хрущева О. А. Танатологические мотивы в романе Маркуса Зусака «Книжный вор» // Мировая литература в контексте культуры. 2022. № 14. С. 53-59. DOI 10.17072/2304-909X-2022-14-53-59. EDN BSXKJF

References

Lotman, Yu. M. (2023). The Structure of the Fictional Text., 512.

Mayofis, M., Kuklin, I. (2024). Late Soviet literature on ethnic deportations in controversy with the Soviet novel of education. *New Literary Review, 4*, 255-281. EDN: NMAVLT. https://doi.org/10.53953/08696365_2024_188_4_255

Maslinskaya, S. G. (2019). Violence and trauma in children's literature of 1941–1945. *Russkaya literatura, 2*, 194-203. EDN: DXKXUO. https://doi.org/10.31860/0131-6095-2019-2-194-203

Netkacheva, E. D., Khrushcheva, O. A. (2024). Thanatological Motives In The Novel "The Book Thief" By Marcus Zusak. *World Literature in the Context of Culture, 14*, 53-59. EDN: BSXKJF. https://doi.org/10.17072/2304-909X-2022-14-53-59

Информация об авторах

Лазуткина Олеся Александровна – кандидат филологических наук, доцент,
Старооскольский филиал Белгородского государственного национального исследовательского университета
г. Старый Оскол, Российская Федерация;
ORCID: https://orcid.org/0009-0009-8765-419X;
e-mail: oalazutkina@mail.ru

Машукова Дарья Александровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель,
Старооскольский филиал Белгородского государственного национального исследовательского университета
г. Старый Оскол, Российская Федерация;
ORCID: https://orcid.org/0009-0009-6189-1699;
e-mail: d.bogatireva@yandex.ru

Information about the authors

Olesia A. Lazutkina – Cand. Sci. (Phil.), associate professor,
Starooskolsky Branch of Belgorod State University
Stary Oskol, Russian Federation;

ORCID: https://orcid.org/0009-0009-8765-419X;
e-mail: oalazutkina@mail.ru

Daria A. Mashukova – Cand. Sci. (Phil.), senior lecturer,
Starooskolsky Branch of Belgorod State University
Stary Oskol, Russian Federation;

ORCID: https://orcid.org/0009-0009-6189-1699;
e-mail: d.bogatireva@yandex.ru

Поступила в редакцию 22.01.2026
Принята к публикации 18.03.2026
Опубликована 23.03.2026

Received 22 January 2026
Accepted 18 March 2026
Published 23 March 2026

CC BY

Научная статья

Языковые средства выражения русского культурного кода в текстах марша «Прощание славянки»

https://doi.org/10.31483/r-153991
УДК [811.161.1'42:316.7]:78.084

Пузов Н. А.
Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
г. Тирасполь, Республика Молдова.
https://orcid.org/0000-0002-9935-5113, e-mail: diagonals@mail.ru

Резюме. Статья посвящена исследованию особенностей функционирования лексических и грамматических средств выражения русского культурного кода в наиболее известных текстах марша В. И. Агапкина «Прощание славянки» с опорой на научные труды отечественных и зарубежных языковедов. Языковой материал в работе систематизирован и описан на основе методов контекстуального и сопоставительного анализа, количественного подсчета. Каждый из вариантов текста с учетом разного исторического и идеологического контекста по-своему воплощает специфические черты русского культурного кода, находящего воплощение и выражение лексическими средствами (повтором ключевых слов определенных тематических групп, лексическими синонимами, антонимическими парами), грамматическими ресурсами (частым употреблением глаголов в форме повелительного наклонения, личных, притяжательных и определительных местоимений, активным использованием обращений и побудительных эмоционально окрашенных предложений). Выявленные особенности употребляются в тесной взаимосвязи и взаимодействии друг с другом, выступая в качестве важных средств выражения русского культурного кода. Гармония слов и музыки марша «Прощание славянки» создает ощущение особого эмоционального настроя, душевного подъема, гордости за страну и ее людей, сопричастности к описываемым событиям. Эти качества делают марш «Прощание славянки» одним из важных и ярких носителей и выразителей русского культурного кода.

Ключевые слова: менталитет, текст, культурный код, традиционные ценности, лексические средства, грамматические средства, марш.

Для цитирования: Пузов Н. А. Языковые средства выражения русского культурного кода в текстах марша «Прощание славянки» // Этническая культура. 2026. Т. 8, № 1. С. 25-32. DOI 10.31483/r-153991. EDN QZDEKO

Research Article

Linguistic Means of Expressing the Russian Cultural Code in the Texts of the March "Farewell of Slavianka"

Nikolai A. Puzov
Shevchenko Transnistria State University
Tiraspol, Republic of Moldova.
https://orcid.org/0000-0002-9935-5113, e-mail: diagonals@mail.ru

Abstract. The article concerns linguistic means of expressing the Russian cultural code in the texts of the march "Farewell of Slavianka". The article is devoted to the study of the functioning of lexical and grammatical means of expressing the Russian cultural code in the five most famous versions of the text of V. I. Agapkin's march "Farewell of Slavianka" based on the scientific works of Russian and foreign linguists. The linguistic material is systematized and described using contextual and comparative analysis, as well as quantitative calculations. It has been revealed that each of the five versions of the march's lyrics, given their different historical and ideological contexts, embodies in its own way the specific features of the Russian cultural code, which are embodied and expressed through lexical features (the lexical repetition of keywords from certain thematic groups, lexical synonyms, and antonymous pairs) and grammatical features (the frequent use of imperative verbs, personal, possessive, and definitive pronouns, and the active use of appeals and emotionally charged imperative sentences). These features are used in close connection and interaction with one another, serving as important means of expressing the Russian cultural code. The harmony of the words and music of the march "Farewell of Slavianka" creates a sense of a special emotional mood, spiritual uplift, pride in the country and its people, and a sense of belonging to the events described. These qualities make the "Farewell of Slavianka" march one of the most important and vibrant bearers and exponents of the Russian cultural code.

Keywords: mentality, cultural code, text, traditional values, lexical means, grammatical means, march.

For citation: Puzov N. A. (2026). Linguistic Means of Expressing the Russian Cultural Code in the Texts of the March "Farewell of Slavianka". *Ethnic Culture, 8*(1). 25-32. EDN: QZDEKO. https://doi.org/10.31483/r-153991

Введение

Разработка проблемы культурного кода в отечественном языкознании и лингвокультурологии неразрывно связана с научными трудами Ю. М. Лотмана, В. Н. Телия и получает дальнейшее развитие в работах современных российских исследователей Е. В. Кузнецовой, И. А. Николайчук, И. Д. Сульдиковой, В. М. Савицкого, Е. В. Черкасовой. В работе Ю. М. Лотмана «История и типология русской культуры»[1] заложены основы понимания того, как коллективная память народа кодируется в языке и искусстве, делая культуру доступной и понятной для широких народных масс. В монографии В. Н. Телия «Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты» сформированы основы лингвокультурологического направления в лингвистике, которое изучает связь языка и культуры[2].

[1] Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2002. 766 с.

[2] Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва : Языки русской культуры, 1996. 288 с.

CC BY

Язык, по мнению ученого, рассматривается как культурный код нации, а не просто орудие познания и коммуникации. Понятие культурного кода здесь рассматривается в идиомах, пословицах и поговорках, составляющих особый культурный фонд русского народа. В исследовании Е. В. Кузнецовой «Культурный код: к вопросу об определении» сформулировано понятие культурного кода как одного из ключевых явлений в современной культурологии, что обусловлено особенностями современной цивилизации, усилением миграции населения и увеличением числа межкультурных контактов. Автор выделяет четыре основных компонента понятия «культурный код»: широту и функциональность, вербальный или невербальный характер, искусственность, символичность [Кузнецова, 2023]. В статье И. А. Николайчук, Т. С. Яковой и М. М. Янгляевой «Культурные коды в современном публичном пространстве: метасмыслы и их потребление в России и за рубежом» детально рассматриваются смысловые оттенки, свойственные различным культурным кодам, что дает возможность выявить специфические, характерные черты той или иной нации на современном этапе развития [Николайчук, Якова, Янгляева, 2023]. В работе И. Д. Сульдиковой «Концепт культурного кода в современном поликультурном пространстве» дается определение основным понятиям, связанным с культурным кодом как необходимым элементом развития современного общества, описываются подходы к его изучению и предпринимается попытка спрогнозировать специфику нового культурного кода с учетом данных о современном поликультурном пространстве [Сульдикова, 2023]. В обзорном исследовании В. М. Савицкого и Е. В. Черкасовой «Культурные и лингвокультурные коды: теоретический обзор» представлены различные точки зрения относительно сущности, строения и функционирования культурных и лингвокультурных кодов. Детально рассматриваются образные коды, изучение которых позволяет выявить их специфику в системе лингокультурных кодов [Савицкий, Черкасова, 2023].

В русле исследования проблемы культурного кода считаем уместным обратиться к научным трудам зарубежных ученых, которые заложили основы семиотического и антропологического понимания кода в мировой лингвистической науке. Обращение к их наследию позволяет сформировать методологическую базу исследования: понять, как устроен знак, как он работает и почему одни и те же образы (солдат, Родина) обладают такой властью над сознанием многих поколений.

Семиотика как учение о знаках: как слово становится носителем смысла. Один из классиков семиологии Ф. де Соссюр рассматривал язык как систему знаков (семиологию)[3], где функциональные различия между ними важнее, чем их материальная сущность. Для нашего исследования важно соссюровское понимание языка как социального института: слова *Родина* или *Отчизна* в марше — это не просто физические звуки, а именно социальные знаки, несущие в себе коллективный опыт и объединяющие общество. Его идея о различении языка (системы) и речи (конкретного высказывания) позволяет нам рассматривать каждый из рассматриваемых текстов марша как индивидуальные речевые акты, которые, однако, реализуют общий языковой культурный код нации.

От структуры знака — к структуре мышления: как мы познаем мир через противопоставления. Ч. Пирс, стоявший у истоков семиотики и определявший ее как науку о знаках и процессах семиозиса, в работе «Логические основания теории знаков» рассматривал семиотику не как статичную классификацию знаков, а как логическую основу для понимания того, как люди понимают и интерпретируют мир, отражая его с помощью языковых знаков[4].

Развивая идеи Ч. Пирса, основатель структурной антропологии К. Леви-Стросс пошел дальше. Он исследовал бинарные оппозиции как универсальный механизм человеческого мышления. В своем труде «Структурная антропология»[5] К. Леви-Стросс применил методы структурной лингвистики к этнографии, выявил с их помощью универсальные бинарные оппозиции в мифах и ритуалах, считая, что эти бессознательные пары *(жизнь — смерть, свой — чужой, верх — низ)* лежат в основе культурных кодов, мифов и социальных структур. Для нас эта концепция является ключевой, так как позволяет объяснить высокую частотность антонимов в текстах марша *(умирать — воскресать, живые — павшие)*. Эти противопоставления не случайны: они структурируют картину мира, задают систему координат, в которой только и возможно осмысление таких понятий, как подвиг, жертва и победа.

Текст и читатель: как смысл рождается заново в сознании каждого. Известный специалист в области семиотики У. Эко в своих трудах «Открытое произведение» и «Роль читателя. Исследование по семиотике текста» создал теорию взаимодействия читателя с текстом и обратил внимание на возможность множественности интерпретаций текста[6]. В своих работах автор исследовал, как создаются смыслы, интерпретируются тексты и функционируют знаки в обществе. Его теория о роли читателя и множественности интерпретаций объясняет, почему один и тот же марш смог породить пять разных текстов. У. Эко показал, что произведение — это не застывшая форма, а механизм, допускающий множественные прочтения. Каждый автор текста (А. Я. Федотов, А. А. Галич, В. Я. Лазарев, А. В. Мингалев, Г. Л. Венедиктов) выступил в роли такого читателя-интерпретатора музыки В. И. Агапкина, который опираясь на общий культурный код, создал свое высказывание, созвучное исторической эпохе.

[3] Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. Москва : Логос. 1998. 285 с.

[4] Пирс Ч. С. Логические основания теории знаков / перевод с английского В. В. Кирющенко и М. В. Колопотина. Санкт-Петербург : Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ : Алетейя, 2000. 318 с.

[5] Леви-Стросс К. Структурная антропология. Москва, 1985. 399 с.

[6] Эко У. Открытое произведение. Форма и неопределенность в современной поэтике. Санкт-Петербург : Академический проект, 2004. 121 с.; Эко У. Роль читателя: исследования по семиотике текста / перевод с английского и итальянского С. Серебряного. Санкт-Петербург : Symposium ; Москва : Издательство РГГУ, 2005. 501 с.

CC BY

Язык и нация: как общие символы создают воображаемую общность. Исследователь национальной идентичности Б. Андерсон разработал концепцию воображаемых сообществ, согласно которой нация определяется как социально сконструированное сообщество, члены которого никогда не встретятся, но в сознании каждого из них живет образ их общности и взаимосвязи. При этом нации представляются как ограниченные и суверенные, возникшие вследствие действия языка, который объединяет людей в единую национальную общность. Участники этой общности удерживают в своем сознании ментальный образ своего сходства. Идея Б. Андерсена напрямую объясняет социальную функцию марша «Прощание славянки». Миллионы людей, слушающих этот марш, никогда не увидят друг друга, но, как пишет Б. Андерсон, «в сознании каждого из них живет образ их общности». Языковые средства, которые мы анализируем (местоимение *мы*, обращение *брат*, символ *Родина*), работают как раз на создание этого «ментального образа сходства», превращая толпу слушателей в единый народ — в воображаемое сообщество защитников сообщества.

Коллективное бессознательное: почему эти образы трогают нас до слез. Глубинная эмоциональная сила универсальных символических образов типа «человек», «страна», «Отчизна», «путь», «солдат», «воин» находит свое объяснение и истолкование в труде К. Юнга «Архетипы и коллективное бессознательное»[7], где автор определяет архетип как универсальную, врожденную психическую структуру, составляющую ядро коллективного бессознательного и формирующую основу человеческой личности, поведения и восприятия окружающего мира через искусство, мифы и сны. По мнению ученого, архетипы следует понимать как универсальные образы, символы и мотивы, которые воплощаются в мифах, сказках и религиозных традициях разных народов. Для нашего исследования теория К. Юнга служит ответом на вопрос «почему?». Почему именно эти слова стали ядром культурного кода? К. Юнг объясняет, что образы Матери-Родины (архетип матери), Героя-Солдата (архетип героя), Пути-Похода (архетип странствия) являются не просто литературными метафорами, а врожденными структурами психики. Они имеют глубинную эмоциональную силу, поэтому их активация в текстах марша вызывает не поверхностное понимание, а мощный, часто неосознаваемый отклик в душе каждого носителя русской культуры.

Цель нашего исследования — выявить и проанализировать важные языковые средства выражения русского культурного кода в наиболее известных вариантах текста марша «Прощание славянки».

Актуальность исследования обусловлена значимостью изучения культурного кода как лингвокультурологического понятия, а также необходимостью выявления и анализа способов и средств языкового выражения русского культурного кода в современной отечественной лингвокультурологии.

Результаты проведенного исследования позволят определить конкретные языковые элементы и особенности их совместного функционирования, формирующие и выражающие русский культурный код в текстах марша «Прощание славянки», который является одним из самых узнаваемых и значительных музыкальных символов России.

Материалы и методы исследования

В настоящее время понятие «культурный код» широко распространено в системе современных гуманитарных наук. Содержание данного понятия постоянно уточняется и конкретизируется, нередко становится предметом научных споров.

В последнее время к концепции культурных кодов активно обращаются представители лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, психолингвистики, психологии, этнологии. По мнению исследователей, культурный код характеризуется следующими признаками: обладает социальной и антропогенной природой, представляет собой множество смыслов и устойчивых характеристик, носит информационный характер, закреплен в культурном опыте народа, обладает возможностью построения иерархических систем.

Культурный код в трудах российских исследователей определяется как упорядоченная ключевая система знаков, символов, ценностей и смыслов, сформированная исторически и обеспечивающая идентичность народа. Он выступает как ключ к пониманию менталитета, проявляясь в языке, фольклоре, литературе и обычаях, и обеспечивает преемственность поколений и защиту национальных интересов.

Ключевыми аспектами понятия «культурный код» в семиотическом плане является упорядоченная система знаков и символов, требующая раскодирования для понимания культуры; в функциональном плане — определенные нормы поведения, бытовые образы, ассоциации и то, как мы понимаем друг друга; в плане идентичности ценностей — передача уникальных черт от предков (традиции, фольклор, ремесла), составляющих ядро культуры; в плане современного контекста в условиях глобализации — основа для защиты самобытности народа. Культурный код России — это суть и духовная составляющая страны, традиции, фольклор, история, уникальные культурные особенности, доставшиеся от предков. Культурный код необходимо отграничивать от близких, но не тождественных ему понятий «менталитет», «традиции», «картина мира».

Менталитет — это устойчивая совокупность психологических, культурных и ценностных особенностей, определяющая образ мышления, мировосприятие и поведение человека или группы людей (нации, народа), которая медленно формируется под влиянием истории, культуры, обычаев и включает стереотипы, нормы морали и духовно-нравственные ценности, скрепляющие общность людей.

[7] Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное. Москва : АСТ. 2019. 495 с.

CC BY

Различия между культурным кодом и менталитетом сводятся к следующему: культурный код — это уникальные, исторически сложившиеся символы и образы, позволяющие идентифицировать культуру и понять, как она устроена; менталитет — это совокупность глубинных установок, ценностей, способов мышления и поведения, присущих определенной группе людей. Если культурный код — это шифр символов, то менталитет — результат освоения этого шифра. Современные российские лингвокультурологи определяют код как набор смыслов и символов, а менталитет как глубинный уровень психики.

Традиция — это сложившаяся исторически и передаваемая с помощью языковых единиц из поколения в поколение система социальных норм, духовно-нравственных ценностей, образцов поведения и культурных представлений, регулирующих жизнь общества. Традиция представляет механизм сохранения коллективной исторической памяти и социокультурного опыта народа.

В процессе создания языковой картины мира язык не просто описывает мир, а формирует его структуру, являясь базовым каркасом представления; картина мира зафиксирована в текстах культуры, которые служат моделями жизни и памяти народа; она носит динамический, постоянно развивающийся характер, адаптируясь к новым историческим и социальным условиям и взаимодействуя с другими культурами. Языковая картина мира не просто отражает окружающий мир, а формирует его образ у носителей языка через призму менталитета, закрепленного в языковых единицах.

Таким образом, проведенное разграничение понятий позволяет нам перейти от теории к анализу языкового материала. Вслед за исследователями мы будем рассматривать культурный код как систему ключевых символов (слов-образов), а менталитет — как ту глубинную почву, которая делает эти символы значимыми для носителя русской культуры.

В вариантах марша «Прощание славянки» нас будут интересовать именно те языковые единицы, которые выполняют роль таких ключей-символов (лексика), а также грамматические формы, через которые проявляется коллективное мы-сознание народа (местоимения, обращения, императивы). Именно их анализ позволит увидеть, как абстрактный культурный код воплощается в конкретном тексте.

Сегодня концепция культурных кодов активно используется в российской лингвокультурологической и политической практике. Термин «культурный код» стал особенно востребованным и распространенным после появления в 2012 г. программной статьи Президента Российской Федерации В. В. Путина «Россия: национальный вопрос», где особое внимание уделяется единому культурному коду россиян. Понятие «культурный код» представлено в Концепции гуманитарной политики Российской Федерации как конкретная историко-культурная данность, а сохранение его включено в число основных целей государственного строительства.

Лингвокультурные коды, по мнению И. Д. Сульдиковой, представляют собой сложные структуры, включающие вербальные и культурные элементы. Главная их особенность — взаимосвязь языка и культуры, выражающаяся в их способности передавать культурные значения с помощью языковых средств. Лингвокультурные коды являются комплексными языковыми и культурными конструкциями, которые функционируют в рамках определенной культурной среды и являются инструментом передачи культурных значений. Они включают языковые образы, метафоры, идиомы, символы, содержат устойчивые культурные ассоциации и определенную значимость с опорой на исторические традиции и ментальные ценности народа. Лингвокультурные коды включают разнообразные языковые элементы, отражающие взаимосвязь между языком и культурой, и могут проявляться в различных формах от отдельных слов и фраз до сложных культурных контекстов. Таким образом, культурный код можно рассматривать как набор ценностей, традиций, норм и правил поведения, которые передаются из поколения в поколение и определяют особенности культуры народа. Формируются культурные коды под влиянием различных факторов, таких, как история, география, искусство, экономика, политика и религия [Сульдикова, 2023].

Марш «Прощание славянки», созданный В. И. Агапкиным в 1912 г., относится к жанру военно-патриотического марша. Он символизирует проводы солдат на войну и является национальным маршем, вызывающим высокие патриотические чувства, благодаря чему воспринимается представителями разных поколений русского народа как один из самых ярких, проникновенных и жизнеутверждающих музыкальных символов России, в котором выражено прощание с уходящими на фронт солдатами, готовность защищать Родину и вера в победу.

Марш В. И. Агапкина органично вписывается в русский исторический и идеологический контекст: он неразрывно связан с Балканскими войнами и Первой мировой войной, является символом обороны Москвы 1941 г., взятия Берлина и Победы в Великой Отечественной войне, что придает ему особый статус в культурном, идеологическом и общечеловеческом аспектах. Этому маршу присущ особый эмоциональный заряд: он сочетает скорбь расставания с надеждой и решимостью, становится в сознании разных поколений русского народа маршем-прощанием, маршем-агитатором и маршем-бойцом.

Марш «Прощание славянки» уникален как в музыкальном, так и в языковом отношении, поэтому по эмоциональному воздействию его можно сопоставить с мелодиями, которые несут схожую патриотическую тональность: «Славянским маршем» («Сербско-русским маршем») — оркестровым музыкальным произведением русского композитора П. И. Чайковского (1876), ставшим одной из визитных карточек русской музыки и олицетворяющим идеи патриотизма и братства народов, а также маршем «Тоска по Родине» Я. И. Богорада (1900–1910), в котором композитор сумел добиться перекрещивания горестных и радостных чувств.

CC BY

Сочетание простой, напевной и запоминающейся мелодии, проникновенных слов, эмоциональной глубины и тесной связи с переломными моментами истории страны (парадом седьмого ноября 1941 г.) сделало «Прощание славянки» самым узнаваемым и любимым маршем в России, что обусловило возможность рассматривать его в качестве одного из носителей русского культурного кода.

Особенности марша «Прощание славянки» предопределили появление различных вариантов текста к нему. Количество этих вариантов значительно. Мы отобрали для анализа пять наиболее известных и значимых вариантов текста разных авторов: А. Я. Федотова (1965), А. А. Галича (1974), В. Я. Лазарева (1984), А. В. Мингалева (1992), Г. Л. Венедиктов (2016).

Каждому из указанных текстов соответствует свой специфический исторический и идеологический контекст, который находит свое воплощение в ключевых словах, фразах и во всем текстовом пространстве.

Первый вариант текста, созданный в 1965 г., отражает двадцатилетие победы советского народа в Великой Отечественной войне, продолжение космической эры, развитие промышленности и сельского хозяйства, усиление поддержки Северного Вьетнама в войне против США и начало военного присутствия СССР и участия в боевых действиях. Ключевые слова текста — *Москва, Берлин, Победа, Страна, Отчизна.*

Вариант 1974 г. отразил важные социально-политические, экономические и военные события жизни страны: начало ударной народной комсомольской стройки БАМ, подписание соглашений и сотрудничестве в рамках Совета экономической взаимопомощи, начало торгово-экономических советско-американских контактов и Московского саммита с представителями США, направленного на военную разрядку. Ключевые слова — *Ставка (Главного командования И. В. Сталина), приказ, поход, марш, солдат.*

Третий вариант, написанный в 1984 г., отражает важные военно-политические события: отказ СССР от возобновления переговоров по контролю над вооружениями с США, продолжение боевых действий в Афганистане, сопровождавшихся большими человеческими потерями; попытка ускорить научно-технический прогресс в военной и промышленной сферах. Ключевые слова — *Россия, отчий край, прощание славянки, справедливость, любовь, братство.*

Четвертый вариант (1994) носит яркий торжественно-патетический патриотический характер, что обусловлено следующими историческими, социально-политическими и идеологическими событиями: распад СССР и становление России как суверенного государства, переход от плановой экономики к экономике рыночной, разрушение прежней советской политической системы, начало локальных вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве, формирование новых органов власти Российской Федерации как самостоятельного государства и подписание договора с субъектами РФ, направленное на сохранение целостности России, обращение к историческим корням и истокам русской истории и русского фольклора. Ключевые слова — *Русская земля, Родина-мать, дети Великой Державы, заветы отцов, жертва подлости, Святорусская наша земля, Илья, Добрыня* (былинные герои-богатыри), *Вера, Любовь, Добро.*

Пятый вариант текста (2016) воплотил такие значимые для русской истории события, как создание Указом Президента Федеральной службы войск национальной гвардии (Росгвардии), усиление роли силовых структур, адаптация к экономическому кризису, продолжение военной операции в Сирии. Ключевые слова и словосочетания: *знамя державное, решительный бой, Отчизны солдат, свобода поруганной Родины, солдатская судьба, вернись домой, весна побед.*

Таким образом, сопоставление пяти вариантов позволяет проследить динамику русского кода в текстах марша. Если в первых двух вариантах доминируют внешние ориентиры — география побед *(Москва, Берлин)* и военная иерархия *(Ставка, приказ)*, то начиная с 1984 г. акценты смещаются в сторону внутреннего, эмоционального переживания *(отчий край, любовь)*. Вариант 1994 г. знаменует собой пик архаизации — обращение к былинным богатырям и Святорусской земле, что отражает попытку обрести опору в глубине веков после распада СССР. Наконец, вариант 2016 г. синтезирует эти линии, соединяя державную символику *(знамя державное)* с общечеловеческим мотивом возвращения домой *(вернись домой, весна побед)*.

В ходе работы были использованы следующие методы лингвистического исследования: методы наблюдения, выборки языкового материала, количественного подсчета, контекстуального анализа, описательный и сопоставительный методы.

Результаты исследования и их обсуждение

Во всех проанализированных вариантах текста марша «Прощание славянки» языковые средства выражения русского культурного кода взаимосвязаны и взаимодействуют друг с другом, создавая определенные фрагменты языковой картины мира с учетом специфики менталитета русского народа.

В первом варианте от лица всего народа отражены события, связанные с Победой в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., и события мирной послевоенной жизни; во втором варианте от лица солдата, уходящего на фронт, описаны события, связанные с проводом бойцов на фронт в период Великой Отечественной войны; в третьем варианте от лица солдата, уходящего на войну, говорится о расставании и прощании; четвертый вариант выражает эмоциональный призыв к защите Родины от имени всего народа; в пятом варианте представлено трогательное описание расставания и проводов бойца на войну от лица женщины.

По нашим наблюдениям, во всех вариантах текста употребляются ключевые слова-символы, являющиеся носителями и выразителями менталитета русского народа и русского культурного кода: *справедливость, свобода, вера, добро, любовь, честь, душа, слава, мир, труд, братство, подвиг, Отчизна.*

CC BY

Каждый вариант текста характеризуется наличием ключевых фраз, в которых сконцентрирована его доминирующая тема, связанная с описываемыми событиями: 1) *За край наш родной / мы все пойдем в священный бой!* (А. Я. Федотов); 2) *Вперед, за взводом взвод, / труба боевая зовет. / И значит – нам пора в поход!* (А. А. Галич); 3) *И зовет нас на подвиг Россия, / прощай, отчий край, / ты нас вспоминай* (В. Я. Лазарев); 4) *И снова в поход труба нас зовет. / Мы все встанем в строй / и все пойдем в священный бой. / Встань за Веру, русская земля!* (А. В. Мингалев); 5) *Прощай, сын и брат, Отчизны солдат. / Суров будет бой. Пройди его, вернись домой.* (Г. Л. Венедиктов).

Для каждого текста характерны свои ключевые слова и словосочетания, символически выражающие главную идею марша «*Прощание славянки*»: *марш, поход, отцов увозили на фронт, Москву отстоял в сорок первом, в сорок пятом — шагал на Берлин, дорогой мира и труда* (1); *с этим маршем, нам пора в поход, уходили в бой, шагаем в солдатском строю* (2); *минута прощания, прощай, отчий край; прощай, милый взгляд; горит солдатская звезда, прощание славянки* (3); *родные края, святорусская наша земля, православная рать, заветы отцов* (4); *решительный бой, тревогу таят, полями родимыми, пусть живыми вернутся домой, судьбу солдатскую, верой полон взгляд, побед весна, пришли домой* (5).

К числу лексических особенностей «Прощания славянки» относятся:

1) лексический повтор в разных вариантах текста: члены синонимического ряда *страна, Родина, Отчизна, Россия, Русь, Русская земля, отчий край, край родной, Святорусская земля, Великая Держава* — 27 раз; *бой* — 15 раз; *прощай* — 13 раз; *солдат* — 11 раз; *поход* — 10 раз; 2) употребление слов, относящихся к разным тематическим группам, — слова со значением «государство» *(страна, Родина, Отчизна, держава)*. Слова *Родина, Отечество, Отчизна* считаются по значению близкими, но не тождественными. Слово Родина ассоциируется в первую очередь с природно-биологической стороной жизни человека и такими понятиями, как «родная природа», «свой народ», «близкие по духу люди», «своя культура», «наш образ жизни», «родной язык», т. е. является объективной духовной ценностью, первичной по отношению к личности и обществу. Слово *Отечество* связывается с социально-гражданской стороной: сознательное устройство бытия, государственное регулирование, долг, право — и не существует изолированно от политической организации общества. Слова *Отчизна, Отечество* обозначают страну предков человека, имеют эмоциональный подтекст, подразумевающий, что человек испытывает к Отечеству особое чувство, которое сочетает любовь и чувство долга — патриотизм. При этом страна предков может уже и не существовать: люди старшего поколения считают своим Отечеством распавшийся СССР.

Слова, которые входят в состав первого синонимического ряда *(страна, Родина, Отечество)*, употребляются в пяти проанализированных вариантах текста марша «Прощание славянки» с разной степенью частотности: в первом варианте — три раза; во втором — ни разу; в третьем — два раза; в четвертом варианте — семь раз; в пятом варианте — пять раз, что обусловлено, на наш взгляд, спецификой исторического контекста.

В текстах марша также востребованы слова со значением «защитник Родины»: *солдат, воин, рать, строй.* В культурологическом аспекте слово солдат в плане значения охватывает его эволюцию от наемника, получающего плату, до символа служения, дисциплины и защиты Отечества. В культурном сознании *солдат* — это не просто воин, участвующий в боевых действиях, а образец стойкости, простоты и самопожертвования, ассоциирующийся с фольклорными образами былинных богатырей, обладающих находчивостью и солдатской смекалкой. В русской языковой картине мира образ солдата сочетает строгую дисциплину, самоотверженность, способность к самоорганизации и житейскую мудрость, граничащую с лукавством. В русской литературе и фольклоре солдат — это защитник родной земли, носитель народной правды, народный герой, прошедший тяжелые испытания.

Столь же показательным для выражения русского культурного кода является состав лексических групп, формирующих смысловое поле марша. Так, обилие слов со значением «люди, находящиеся в родственных отношениях» *(дети, отец, брат, сын, мать, сестра, жена)* актуализирует идею: война и защита Родины — это дело не абстрактного государства, а большой семьи, где каждый кому-то брат, сын или отец.

Закономерно и присутствие в текстах обширной группы слов со значением «боевые действия», которая создает энергию действия, движения, без которой патриотический дискурс теряет свою мобилизующую силу: *бой, фронт, поход, атака;*

2) развернутые синонимические ряды: *страна, Родина, Отчизна, отчий край, родные края, Россия, Русская земля, Святорусская земля, великая держава; солдат, воин;*

3) антонимы: *умирать — воскресать; живые — павшие.* Данные антонимические пары, согласно точке зрения основателя структурной антропологии К. Леви-Стросса, можно рассматривать как бинарные оппозиции, являющиеся универсальным механизмом человеческого мышления. Такие бессознательные пары лежат в основе культурных кодов, мифов и социальных структур и упорядочивают хаос опыта через трансформацию смыслов. Таким образом, противопоставления *жизнь — смерть, живые — павшие*, встречающиеся в текстах марша, восходят к глубинным архетипическим структурам, свойственным русскому фольклору и мифологическому сознанию. Речь идет о культурных кодах древних мифов и былин, которые строятся на противопоставлениях и через которые человек осмысливает окружающий мир.

Среди грамматических выделяются морфологические и синтаксические средства.

Наиболее яркими морфологическими особенностями всех вариантов текста являются активное употребление глаголов в форме повелительного наклонения:

CC BY

прощай, прости-прощай, не грусти, не хмурь, встань, вернись, пройди, вспоминай, отзовись, подними, не жалей, пусть вернутся (живыми), которые выражают призыв, пожелание, просьбу, мольбу; высокая частотность личных, притяжательных и определительных местоимений в разных падежных формах: *мы, вы, ты, наш, мой, все*. Употребление этих слов подчеркивает личное отношение к описываемым событиям. Следует обратить внимание на использование сочетания личного и определительного местоимения *мы все*, которое помимо личностного отношения ярко выражает единство всего народа: и провожающих, и отправляющихся на защиту Родины; употребление порядковых числительных *сорок первый* и *сорок пятый* в первом варианте текста отражает связь описываемых событий с конкретным историческим временем — началом и завершением Великой Отечественной войны.

Из синтаксических особенностей наиболее ярко проявляют себя употребление побудительных предложений: *Встань за веру, Русская земля! Отзовись, православная рать! Не жалей ни себя, ни врагов. Пройди его, вернись домой. Подними боевые знамена,* в которых отчетливо выражен призыв к защите Родины; частое использование эмоционально окрашенных (восклицательных) предложений: *Вперед, пехота! За край наш родной мы все пойдем в священный бой! В священный бой! И значит — нам пора в поход! Умирать нам, солдатам, солдатами, воскресать нам — одетым в гранит! Не забудь же прощанье славянки, сокровенно в душе повтори! Встань за веру, Русская земля! Отзовись, православная рать! Дух победы зовет, в бой пора;* активное использование обращений, которые называют провожаемых на фронт солдат и создают эффект диалогического общения с собеседником: Прощай, сын и брат, Отчизны солдат. *Прощай, муж и брат, безвестный солдат. Отзовись, православная рать! Вперед, пехота!* Обращение в текстах марша называет также страну, которую защищают солдаты: *Прощай, отчий край. Встань за веру, Русская земля! Встань, Россия, из рабского плена.* Встречаются в текстах предложения, где обращение называет провожающих: *Не грусти ж ты, моя ненаглядная. Прощай, милый взгляд.*

На наш взгляд, названные лексические и грамматические особенности, во-первых, употребляются в тесной взаимосвязи и взаимодействии друг с другом, выступая в качестве важных средств выражения русского культурного кода, а, во-вторых, передают идею всеобщего единения всего народа: уходящих на фронт солдат, провожающих их близких людей, всех жителей страны от мала до велика. Благодаря гармонии слов и музыки марша «Прощание славянки» создается ощущение сопричастности к описываемым событиям, а также особого эмоционального настроя, душевного подъема, гордости за страну и ее людей, веры в близкую победу. Именно эти качества делают марш «Прощание славянки» одним из важных и ярких носителей и выразителей русского культурного кода.

Выводы

Марш «Прощание славянки» в единстве и гармонии музыки и текста является одним из компонентов русского культурного кода.

Каждый из проанализированных текстовых вариантов с учетом разного исторического и идеологического контекста по-своему воплощает специфические черты русского культурного кода.

Русский культурный код в пяти вариантах текста марша выражается лексическими средствами (повтором ключевых слов определенных тематических групп, синонимами, антонимическими парами) и грамматическими ресурсами (частым употреблением глаголов в форме повелительного наклонения, личных, притяжательных и определительных местоимений, а также активным использованием обращений и побудительных эмоционально окрашенных предложений). Отмеченные средства выступают в качестве выражения русского культурного кода во взаимосвязи и взаимодействии друг с другом.

Список литературы

Кузнецова Е. В. Культурный код: к вопросу об определении // Барышевские чтения : материалы II Международной заочной научной конференции (Минск, 28 апреля 2022 г.). Минск : Белорусский государственный университет культуры и искусств. 2023. С. 69-74. EDN BWAVRZ

Николайчук И. А., Якова Т. С., Янгляева М. М. Культурные коды в современном публичном пространстве: метасмыслы и их потребление в России и за рубежом // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. 2023. № 1. С. 48-67. DOI 10.25688/2078-9238.2023.45.1.4. EDN RPRGZZ

Савицкий В. М., Черкасова Е. В. Культурные и лингвокультурные коды: теоретический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Том 16. Выпуск 12. С. 4351-4358. DOI 10.30853/phil20230660. EDN DZSPQS

Сульдикова И. Д. Концепт культурного кода в современном поликультурном пространстве // Вестник Гжельского государственного университета. 2023. № 6. С. 177-183. EDN BWLUZN

References

Kuznetsova, E. (2023). Cultural code: On the question of definition. *Baryshev Readings*: proceedings of the II International Correspondence Scientific Conference (Minsk, 28 April 2022), 69-74. EDN: BWAVRZ

Nickolaichuk, I. A., Yakova, T. S. & Yanglyaeva, M. M. (2023). Cultural codes in modern public sphere: Meta-Senses and their consumption in Russia and abroad. *MCU journal of philosophical sciences, 1*, 48-67. EDN: RPRGZZ. https://doi.org/10.25688/2078-9238.2023.45.1.4

Savitskij, V. M., Cherkassova, E. V. (2023). Culture and linguoculture codes: A theoretical review. *Philology. Theory & Practice, 16*(12), 4351-4358. EDN: DZSPQS https://doi.org/10.30853/phil20230660

Suldikova, I. V. (2023). The Concept of the cultural code in the modern multicultural space. *Vestnik GSU, 6*, 177-183. EDN: BWLUZN

CC BY

Информация об авторе

Пузов Николай Александрович – кандидат филологических наук, доцент,
Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
г. Тирасполь, Республика Молдова;
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9935-5113;
e-mail: diagonals@mail.ru

Information about the author

Nikolai A. Puzov – Cand. Sci. (Phil.), associate professor,
Shevchenko Transnistria State University
Tiraspol, Republic of Moldova;

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9935-5113;
e-mail: diagonals@mail.ru

Поступила в редакцию 11.02.2026
Принята к публикации 15.03.2026
Опубликована 23.03.2026

Received 11 February 2026
Accepted 15 March 2026
Published 23 March 2026

CC BY

Рецензия

Рецензия на: Долгова А. П. Синтаксис чувашского языка : Словосочетание. Простое предложение : монография. Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2024. 236 с. (Строй чувашского языка)

https://doi.org/10.31483/r-154695
УДК 811.512.111'367.332.1

Денисова Т. В.
Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева
г. Чебоксары, Российская Федерация.
https://orcid.org/0000-0002-0626-5371, e-mail: tatyana.docka@yandex.ru

Для цитирования: Денисова Т. В. Рецензия на: Долгова А. П. Синтаксис чувашского языка : Словосочетание. Простое предложение : монография. Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2024. 236 с. (Строй чувашского языка) // Этническая культура. 2026. Т. 8, № 1. С. 33-35. DOI 10.31483/r-154695. EDN SEVEDZ

Critical Review

Review of: Dolgova A. P. Syntax of the Chuvash Language: Phrases. Simple Sentence : Monograph. Cheboksary : Chuvash State Institute of Humanities, 2024. 236 p. (The Structure of the Chuvash Language)

Tatyana V. Denisova
Chuvash State Pedagogical University
Cheboksary, Russian Federation.
https://orcid.org/0000-0002-0626-5371, e-mail: tatyana.docka@yandex.ru

For citation: Denisova T. V. (2026). Review of: Dolgova A. P. Syntax of the Chuvash Language: Phrases. Simple Sentence : Monograph. Cheboksary : Chuvash State Institute of Humanities, 2024. 236 p. (The Structure of the Chuvash Language). *Ethnic Culture, 8*(1). 33-35. EDN: SEVEDZ. https://doi.org/10.31483/r-154695

Монография А. П. Долговой «Синтаксис чувашского языка: Словосочетание. Простое предложение», изданная Чувашским государственным институтом гуманитарных наук в серии «Строй чувашского языка», — фундаментальная работа, излагающая научные сведения по значительному числу проблем синтаксической структуры чувашского языка.

Монография начинается с раздела о предмете и главных понятиях синтаксиса, об основных направлениях синтаксической науки в целом и ее современных исследовательских подходах. Во втором разделе прослеживается история развития чувашской синтаксической науки. В нем основное внимание уделяется работам по вопросам синтаксиса словосочетания и простого предложения чувашского языка. В результате исследования автор приходит к выводу о значительном научном багаже исследований синтаксического строя чувашского языка, представляющем собой достаточно твердую и широкую платформу для дальнейшего изучения его ключевых проблем. Среди авторов наиболее важных трудов упоминаются Н. И. Ашмарин[1], И. А. Андреев[2], А. М. Иванова[3].

Последующие части монографии посвящены изучению основных единиц синтаксиса — словосочетанию и простому предложению. Словосочетание в рецензируемой монографии трактуется как синтаксическая единица с номинативной функцией, представляющая собой соединение двух и более знаменательных слов на основе непредикативной подчинительной связи. Автор рассматривает вопросы разграничения понятий *словосочетание* и *синтагма*, а также *словосочетание, сложное слово* и *грамматическая форма* слова. На наш взгляд, неразвернутой выглядит аргументация предложенной ею идеи отказа от понятия служебных имен в пользу четкого разграничения имен существительных, прилагательных и наречий, с одной стороны, и омонимичных им послелогов — с другой.

На новом научном уровне исследуются способы и средства связи компонентов словосочетания (следовательно, связи слов в потоке речи в целом). Комплексное рассмотрение вопросов, имеющих отношение к средствам реализации таких способов связи, как порядок слов, аффиксация, послеложная, послеложно-аффиксальная и союзная связь, повтор потребовало решения ряда проблем морфологического характера. Вслед за обзором классификаций словосочетаний по разным основаниям А. П. Долгова представила практически полный перечень моделей словосочетаний, сгруппированных на первой ступени по морфологическим признакам главного слова: именные (субстантивные, адъективные, нумеративные, местоименные), глагольные, адвербиальные (наречные), на дальнейших ступенях — по способам и средствам связи.

[1] Ашмарин Н. И. Опыт исследования чувашского синтаксиса : в 2-х частях. Казань–Симбирск, 1903–1923.
[2] Андреев И. А. Чăваш синтаксисĕн ыйтăвĕсем : 2 томпа. Шупашкар : Чăваш кĕнеке издательстви, 1973–1975; Андреев И. А. Хальхи чăваш чĕлхи: синтаксис. Шупашкар : Чăваш кĕнеке издательстви, 2005. 334 с.
[3] Иванова А. М. Проблемы морфосинтаксиса в чувашском языкознании: типолого-контрастивный аспект. Чебоксары : Издательство Чувашского университета, 2011. 308 с.

CC BY

Данный перечень имеет большое практическое значение и может быть использован при составлении грамматических справочников и словарей сочетаемости слов чувашского языка, учебных пособий по синтаксису и культуре речи.

Раздел о простом предложении выстроен на рассмотрении по отдельности грамматического, семантического, коммуникативного и прагматического аспектов, «каждый из которых содержит свою часть содержания, то есть плана содержания, и располагает присущим ему репертуаром специальных формальных показателей, то есть планом выражения» (с. 139). Такая «многослойность» предложения, по мнению автора, не позволяет построить непротиворечивую систему только на основе принципов традиционного синтаксиса, что обосновывалось в одной из более ранних ее публикаций [Долгова, 2023].

Анализ грамматической структуры предложения, выстроенный на дифференциации членов предложения, не всегда приводит к однозначным решениям проблем чувашского предложения. В первую очередь это происходит из-за разноуровневости критериев выделения самих членов предложения. Раздельное рассмотрение грамматической и семантической структуры предложения и, соответственно, сказуемого и предиката, подлежащего и субъекта, по А. П. Долговой, позволяет по-новому взглянуть на проблему односоставных предложений. Выбрав структурно-семантическое направление в качестве основы анализа семантического аспекта предложения, автор представила обширный список двукомпонентных и однокомпонентных семантических моделей чувашского предложения. В ряде случаев ею отмечаются модели, развившиеся в чувашском языке под влиянием русского.

Коммуникативная структура предложения в данной монографии рассмотрена на принципах, установившихся в чувашском языкознании уже после работ И. А. Андреева. Основным отличием от подходов предыдущих исследователей чувашского языка в данной книге является включение в рамки коммуникативного синтаксиса особенностей не только актуального (рема-тематического) членения предложения, но и выражения цели высказывания, значений экспрессивности, утверждения или отрицания.

В рецензируемой монографии впервые в комплексном виде рассмотрены особенности прагматической структуры предложения на материале чувашского языка. Автор считает, что «такие компоненты коммуникации, как автор высказывания, адресат, реальное намерение говорящего и условия порождения, реализации (иногда и последствий) высказывания могут быть ключом к объяснению ряда явлений грамматического строя чувашского языка» (с. 212). В качестве частных проблем прагматической стороны предложения рассматриваются употребление языковых средств в нетипичной функции для выражения намерений адресанта (например, утверждение или просьба в виде вопроса), этикетные формулы, построенные в виде нетипичных для чувашского языка конструкций (например, безглагольные фразы приветствия), конструкции, использующиеся для побуждения к действия (а не для информирования) и некоторые другие. Изучение данного аспекта чувашского предложения с выходом на уровень анализа соответствующих грамматических конструкций ждет дальнейших исследований, примеры подобных научных публикаций уже имеются [Яковлева, 2023].

В целом монография А. П. Долговой о строе чувашского словосочетания и простого предложения, безусловно, является новым словом в чувашском языкознании и открывает возможности для дальнейшего исследования синтаксического строя не только чувашского, но и других тюркских языков. Предложенные решения теоретического порядка в ряде случаев имеют и практическое значение, результаты исследования могут быть использованы при составлении учебной и справочной литературы.

Список литературы

Долгова А. П. Синтаксический строй чувашского языка как объект лингвистического исследования. Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2023. 44 с. EDN TPSQFP

Яковлева Г. Г. Прагмасемантические особенности перформативных высказываний в чувашском языке // Мир лингвистики и коммуникации. 2023. № 3. С. 153-164. EDN NCUPBB

References

Dolgova, A. P. (2023). Syntactic Structure of the Chuvash Language as an Object of Linguistic Research., 44. EDN: TPSQFP

Jakovleva, G. G. (2023). Pragmatic Semantic Features of Performative Utterances in the Chuvash Language. W*orld of Linguistics and Communication, 3*, 153-164. EDN: NCUPBB

CC BY

Информация об авторе

Денисова Татьяна Витальевна – кандидат филологических наук, декан,
Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Российская Федерация;
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0626-5371;
e-mail: tatyana.docka@yandex.ru

Поступила в редакцию 11.02.2026
Принята к публикации 18.03.2026
Опубликована 24.03.2026

Information about the author

Tatyana V. Denisova – Cand. Sci. (Phil.), dean,
Chuvash State Pedagogical University,
Cheboksary, Russian Federation;

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0626-5371;
e-mail: tatyana.docka@yandex.ru

Received 11 February 2026
Accepted 18 March 2026
Published 24 March 2026

CC BY